

ТЕСЕЛЛИ

У отвесных скал Кок-Картальских гор, среди могучих дубов и буков, тянувшихся по обоим берегам Чатал-Дере, притулилась деревушка Бадемлик. Называется она так потому, что, по преданию, много лет назад целиком утопала в миндальных деревьях. Но однажды, в летнее время, по долине прошел серый снег, отчего погибли все миндальные деревья. Мудрые крестьяне не растерялись, каждый из них посадил во дворе своего дома по два грецких ореха. Орехи выросли высоко и раскинули длинные ветки над Чатал-Дере. А название деревушки осталось прежнее... Бадемлик — Миндальная роща.

Во время весенних ливней по крутым склонам гор с неистовой силой несутся шумные потоки. Чатал-Дере выходит из берегов и становится такой бурной, что опрокидывает валуны, выворачивает пни, ломает и размывает сады, виноградники, крушит прибрежные домики.

Как только ливень утихает, жители маленьких саклей, построенных на возвышенностях, берутся за лопаты и кирки, за топоры и пилы и начинают заново возводить валы на опасных излучинах долины, восстанавливать разрушенные постройки и ограды.

Но проходит какая-нибудь неделя, и над горами снова нависают свинцовые грозовые тучи, и деревушка опять замирает в страхе.

Нелегко взбираться среди непроглядных пропастей на крутые скалы Кок-Картала. Есть лишь два перевала. Один из них называется Тильки Гечди — Лиса прошла: по имени пещеры, прорезывающей на большой высоте скалу. До нее можно добраться лишь по тропкам, проложенным лисицами. Только отважный может, схватившись за выступ узкого входа в пещеру, подтянуться на руках и преодолеть этот отрезок пути, повиснув над пропастью. По-видимому, перевал и получил свое название оттого, что проникнуть в пещеру может человек, проворный как лиса. Другой проход — Эрикма — представляет собой глубокую расщелину. Перед глазами каждого, кто

одолевают их, открывается мир диких, расщепленных скал и косматых сосен, упирающихся вершинами в облака.

Деревню Бадемлик населял бедный люд. Почти вся земля ее находилась в руках двух беев. Один из них, Кязим-бей, жил в больших хоромах около Джума-джами¹. Другой, Джелял Эфенди, владел красивым домом с застекленной верандой, примыкающим к длинному ряду табачных сараев и складов. Дом этот стоял на краю деревни у самого шоссе, рядом с кладбищем.

По рассказам старожил, Джелял-бей, родом из Искудара, пришел сюда лет двадцать назад с кельмой в руках и через одиннадцать лет разбогател так, что завладел половиной всей деревенской земли. А Кязим-бей был богат наследством, полученным после смерти отца Мамута Эфенди. В обширных садах и на табачных плантациях этих двух беев работала вся деревня.

Были тут и богачи помельче — турок Зекирья с братьями Осман-беем и Юсуф-беем, чье имение находилось на берегу реки, протекающей между Бадемликом и Гавром.

Жители Бадемлика засевали пшеницей и овощами свои клочки земли, выкорчевывали пни, очищая участки от камней и валунов. Полученного урожая едва хватало на три месяца. Но жить-то было надо, и крестьяне, поднявшись чуть свет, захватив с собой ломоть хлеба и головку чеснока, уходили в дремучий лес. Целый день карабкались они по нахмуренным скалам, а поздно вечером возвращались домой, таща по полмешка лесных орехов. Их потом, погрузив на арбы, возили на Мелитопольскую ярмарку, являвшуюся когда-то торговым центром под названием Кызыл-Яр, преодолевая крутые горы и извилистые дороги до юга

Украины. На вырученные деньги покупали пшеницу, мясо. Кое-как дотягивали до весны, а летом их выручали виноград и фрукты.

Природа словно сжалилась над этими людьми, проводившими жизнь в тяжелом труде, и наделила их крепким

¹ Соборная мечеть.

телосложением и выносливостью. В Бадемликке жило несколько стариков, которым перевалило за сто десять, сто двадцать лет. Они любили коротать вечера в каве-хане¹. Усевшись в кружок и облокотясь на подушки, разбросанные на мягких сетах², потягивали из фильджанов³ кофе со сливками и вели нескончаемые беседы о боевых днях отцов, участвовавших в сражениях за Гданск.

В каве-хане собирались не только старики, но и молодые джигиты. Одни играли на тулуп-зурне, на скрипке или на бубне, другие танцевали хайтарму, пели песни. Возгласы «Айда... Саг ол!» по вечерам оглашали окрестные скалы. Молодые женщины до полуночи сидели на верандах, слушая музыку и песни и поджидая подгулявших мужей. В месяц рамазана, когда мусульманам перед дневным воздержанием надлежит вкушать пищу, двадцать — тридцать парней в середине ночи взбирались на минарет и хором пели протяжные молитвенные песни. Потом до оглушения стреляли из ружей, чтобы разбудить все окрест...

Жизнь в этой забытой богом и людьми захолустной крымской деревушке всколыхнули те грозные события начала двадцатого века, которые сокрушили основы царской России.

На западной окраине Бадемлика, у самой дороги, ведущей к Кок-Карталу, стоял двухэтажный дом с садом Саледина-ага. Стоял он на возвышенности, и поэтому потоки, низвергающиеся осенью в долину Чатал-Дере, были ему не страшны.

Саледин-ага, очень еще крепкий, в свои пятьдесят лет занимался тем, что рубил в лесу деревья, привозил на санях домой и делал из них арбы, плуги, бороны, вилы, грабли. Он был плотником, и потому одни соседи называли его Дульгером-Саледином⁴, а другие за ярко-рыжие волосы и бороду — Хна-Саледином.

В маленьком саду его, зеленеющем за домом, зрели яблоки,

¹ Кофейня.

² Нары.

³ Маленькие фарфоровые чашки.

⁴ Плотник Саледин.

груши, персики, абрикосы, и тут же на грядках поспевали помидоры, перец, морковь, лук, чеснок и фасоль.

Он имел дочь и троих сыновей, а когда-то детей было шестеро, но четыре года назад старший сын, Айдер, отправился ночью в Кара текне¹ охотиться на волков и домой не вернулся. Второй сын, Теврик, погиб в позапрошлом году. Знойным летним днем Саледина-ага не было дома — он уехал в лес. Теврик, бродя по саду, увидел недалеко от персикового дерева большую змею. Прибежав домой, он схватил отцовскую двустволку, снял предохранители с обоих курков и вернулся в сад. Разыскивая среди лопухов змею, он споткнулся, и ружье разрядилось ему в живот.

Сейчас в доме старшим сыном стал двадцатитрехлетний Фикрет. За ним шли Рустем и единственная дочь Сеяре, а младшим — четырнадцатилетний Мидат.

Хна-Саледин почти всю свою жизнь не выпускал из рук топора, и потому пальцы его были скрючены, ногти обломаны, а огрубевшая кожа на руках тверда как жемчуг и покрыта трещинами.

И в доме, построенном им собственноручно, и во дворе, где стояли большой сарай и курятник, всегда царил образцовый порядок. Жена Саледина-ага — Тензиле-енге², полная, добродушная женщина, давно уже привыкла к твердому и требовательному характеру мужа, который временами мог быть и сердечным, и великодушным.

Саледин-ага, вставая чуть свет, обычно запрягал сани, завязывал в платок кусок хлеба, головку чеснока и отправлялся вместе с Фикретом в лес, поручив Сеяре заботы по хозяйству.

Но старики говорят, что дочь — это гостья в доме. В один из весенних вечеров к ним заявила косоглазая старуха Зеиде. После того как убрали скатерть и братья уснули в соседней комнате, старуха таинственным шепотом завела длинный разговор. А наутро стало известно, что Сеяре просватана за Биляла, сына маляра Мустафы из деревни Кок-Коз.

¹ Черное корыто.

² Енге — тетушка.

Через несколько месяцев, когда в саду начали распускаться листья орехового дерева, после свадебного пира, длившегося шесть дней и шесть ночей, под звуки давула и зурны Сеяре посадили на свадебную арбу и увезли в Кок-Коз.

Фикрет стал заправлять хозяйством один.

Уже второй год шла война... Первая мировая. В один из этих смутных дней Саледина-ага вызвали в волостное правление. От беспокойства Тензиле-енге целый день не могла найти себе места. Дульгер вернулся домой вечером озабоченный и мрачный. За ужином он не обмолвился ни словом, молча выпил кофе и, несмотря на позднее время, отправился к соседу авджы¹ Кадыру. Вернувшись часа через полтора, он прошел в неосвещенную комнату и повалился на сет...

— Что с вами, отец? Вам нездоровится? — забеспокоился Рустем, сидевший на топчане перед верандой.

Но из темной комнаты никто не отозвался. А через некоторое время оттуда послышался храп. Тензиле-енге покачала головой:

— Устал, видно. Уж очень он беспокойный — ходит быстро! Я тоже было испугалась: не стряслось ли чего? Пусть поспит. На завтра опять будет свежий, как чеснок.

— Что-то не похоже, чтоб отец уснул так от усталости, — возразил Фикрет, строя про себя разные предположения.

— А что могло случиться? — беспечно ответила Тензиле-енге и, захватив лампу, ушла в свою комнату.

Фикрет и Рустем, как всегда, улеглись в мезонине. Рустем заснул мгновенно. А Фикрет еще долго ворочался в постели, тревожно прислушиваясь к голосам кузнечиков, доносившимся из сада, и к медлительному гуканью совы, вспорхнувшей на ветку орехового дерева, и думал о войне, о том, что и его могут призвать со дня на день.

Отец проснулся с зарей. Наточил свой обоюдоострый топор², завязал в платок обычный завтрак, запряг сани и не спеша поднялся в мезонин. Остановившись у постели сыновей, спавших в обнимку на широком сете, он невольно залюбовался

¹ Авджы — охотник.

² Жители, горной деревни пользуются обоюдоострым топором то изделия. своего изделия.

их лицами. Ему жалко стало тревожить их сладкий предутренний сон. Но за холмами Стиля небо розовело все ярче, виноградники и сады наполнялись птичьими голосами. Пора!

— Рустем! — позвал Саледин-ага, дотронувшись до плеча Рустема.

Тот, приоткрыв глаза, сонно посмотрел на отца и отвернулся к стенке.

— Вставай, сынок, вставай! — старик снова потряс его за плечо.— Пора ехать в лес!

Юноша вскочил на ноги, быстро оделся и, позевывая, спустился вниз. Зачерпнув из чугуна, стоявшего в сенях, кружку молока, он выпил его, заедая хлебом, натянул на ноги чарыки¹ и вышел во двор. Взяв лошадь под узды, вывел ее на дорогу. Саледин-ага, захватив топор и узелок, последовал за сыном.

Когда солнце поднялось над горизонтом, отец и сын были уже в ущелье Кашкыр-сада². Передохнув, они двинулись дальше по крутым и извилистым дорогам. Пройдя немного от Вилисова источника, остановились на склоне долины Канлы-сокак — Кровавой тропы и начали рубить стройные деревья и очищать их от коры. Вернулись они домой с санями, нагруженными толстыми бревнами, когда над высокими горами и глубокими долинами уже сгущались вечерние сумерки.

После ужина за вечерним кофе Саледин-ага, глядя на жену суровым взглядом, произнес:

— Фикрету надо уходить из деревни!

— Почему? — спросила удивленная Тензиле-енге.— Что случилось?

— Фикрета призывают в солдаты, ему надо бежать, скрыться, чтоб никто не мог найти. Сын авджы Кадыра Сеттар тоже хочет схорониться.

Помолчали.

— Он не желает служить царской власти,— продолжал Саледин. — Пускай и Фикрет уходит вместе с ним. Испытали мы на своей шее милость падишаха. Таким, как мы, от него

¹ Постолы из коровьей или лошадиной шкуры.

² Волчий вой.

хорошего ждать нечего. Фикрету надо бежать или с Сеттаром, или же поехать вместе со мной на ярмарку. Другого выхода нет.

— Вы думаете, он спасется, если поедет на ярмарку?

— Мы не пойдем проезжими дорогами, а на окольных путях нас никто не поймает.

Тензиле-енге приуныла, а Саледин-ага погрузился в думы. В это время пришел Рустем и молча опустился у порога на ковер.

— Ты что до сих пор не спишь? Где Фикрет?— спросил Саледин-ага.

— Стоит у ворот, разговаривает с Сеттаром-ага.

— Позови его сюда.

Рустем тут же побежал. Вскоре появился в комнате Фикрет. Заметив встревоженность отца и задумчивость матери, он понял, что дома произошло что-то неладное.

— Фикрет,— сказал отец тихо, но, увидя за ним Рустема, кивком головы велел ему пойти спать. — Фикрет, сын мой!

— Вы чем-то озабочены?

— Времена настали плохие. Ты старший у меня — на тебя можно опереться. Я не хочу, чтобы ты жил так, как живет сын Джеяла-бея. Еще не знаю, чем эта война кончится. Но мне будет очень грустно, если после нее люди в деревне скажут: Фикрет служил тунейдцам.

— Я вас не понимаю, отец! К чему эти слова?

— Говорят, что царь может потерпеть поражение.

— Почему, отец?

— Не знаю, но... говорят. Мне важно знать, куда тебя тянет, как ты собираешься жить.

— Людей отправляют на войну. Миновать ли мне этого?

— Сеттар сказал, что война эта — братоубийственная, неминуемая гибель для таких, как ты. Ее ведут богачи.

— Кто это придумал? — повысил голос Фикрет. — Мир ведь не создан так, чтобы в нем жили люди с одинаковой надеждой, с равным состоянием. Одни должны стоять выше, другие ниже. Одни работают, другие дают им работу.

Дульгер недоуменно посмотрел на сына.

— А разве не может быть так, чтобы все работали, чтобы

никто ни с кого не драл шкуру?

— Едва ли.

— Тебе по душе эта убогость... в нашем доме?

— Нет. Мне бы хотелось, да и тебе, наверное, тоже, иметь не одну лошадь, а несколько; не четверть десятины земли, а гораздо больше. Вот тогда жизнь будет другая.

— Кто же нам все это даст? — развел руками Саледин-ага. — Кязим-бей? Джелял?

— Не знаю, отец,— ответил Фикрет.

— Ты молод, но и не ребенок. У тебя должен быть ясный ум. Скажи мне, ты согласен с тем, что говорит Сеттар?

— Сеттар? Но кто такой Сеттар? Всего сын авджы Кадыра.

— О чем же вы толковали с ним только что?

— Он предлагает бежать в лес.

— Ну? А ты?

— Какой смысл? Что могут сделать в лесу пять-шесть человек из нашей маленькой деревни?

Саледин-ага набил чубук душистым табаком, затянулся несколько раз, затем глухим голосом проговорил:

— Мало ты еще понял в этой жизни. Разум у тебя витает в тумане. Однако тебе необходимо скрыться.

— От кого?

— С глаз он-баши¹, волостного правления. Понял? А не спрячешься — погонят на войну. Через три дня заберут. Я человек темный, старый, но вижу: Джелял и Кязим-бей усердствуют в отправке людей на войну. Значит, она им нужна. А что им хорошо — для нас горе. Тебе надо бежать завтра чуть свет.

— Куда?

— Я покажу!

На следующий день Фикрета дома уже не было. Он исчез. Отец куда-то отправил его. Но куда? Об этом никто не знал. Через несколько дней во двор Саледина-ага зашел он-баши и справился о Фикрете.

¹ Десятник.

— Лежит в Кок-Козской больнице,— отвечал Саледин-ага.

И хотя десятник недоверчиво покачал головой, больше с расспросами не приставал: проверить слова старика не решался. Идти в Кок-Козскую больницу надо было через горы. А в горах бродили качаки¹.

В течение месяца из Бадемлика забрали в солдаты, больше сорока джигитов. Деревня оглашалась воплями и плачем женщин.

2

Дульгер-Саледин, получивший от отца простое и суровое воспитание, растил и своих сыновей бесстрашными, энергичными джигитами. Летом каждую неделю устраивал в саду на оставленной вокруг скирды целине борьбу между Фикретом и Рустемом. Обучал поясной борьбе. Если замечал какое-либо отступление от правил, останавливал и показывал им правильный прием.

Осенью, в пору сбора орехов, Саледин-ага взбирался на самую высокую ветку. Ни за что не держась, обхватив обеими руками длинную палку, он сшибал орехи. Так же смело он заставлял действовать и сыновей. Саледин-ага был прекрасным охотником. Он брал сыновей по очереди на охоту. Повстречав зайца, сам не стрелял — пусть его убьет сын. И если первому зайцу удавалось удрать, Саледин-ага не возвращался с охоты до тех пор, пока сын не убивал другого. Он научил Рустема находить заячьи следы на совершенно сухой и твердой земле.

Но не только охота увлекала Рустема. Любимым его развлечением были скачки, джигитовка. Самые интересные скачки устраивались в дни свадеб. Свадьба удалого парня Ризы долго откладывалась. Отец его, Демирджи Куртбедин, был на войне. Но, вернувшись без правой руки и с двумя сломанными ребрами, он сказал жене:

— Айше! Я не знаю, сколько мне еще осталось жить... Хочу

¹ Беглецы.

видеть своего сына счастливым... видеть его свадьбу.

После этого была назначена свадьба Ризы.

Гостей собралось много. Из соседней деревни Гавра на самых прославленных скакунах приехали три джигита. Но Рустем был спокоен. Он четыре дня и четыре ночи не отходил от своего Ак-Табана, тренировал на дальних дистанциях, проверял его дыхание.

В день скачек Рустем вывел коня во двор, тщательно почистил скребком и щеткой, хвост и гриву помыл теплой мыльной водой, подсушил, заплел хвост и коротко завязал его узлом. После полудня, когда джигиты начали собираться в узком переулке, позади Джума-Джали, Рустем натянул на ноги сапоги Фикрета, на голову надел каракулевую шапку и, вскочив на Ак-Табана, отправился на сборный пункт.

И стар и млад с восхищением оглядывали статного коня с завязанным в узел хвостом и молодцеватого джигита. Привыкший к скачкам Ак-Табан, приближаясь к воротам, где происходил свадебный пир, заволновался: непрерывно кивая горделивой головой, он заиграл под седлом, то бросаясь вперед, то отступая назад, то становясь на дыбы. Рустем натянул поводья, чтобы повернуть его в сторону.

В это время из ворот вышли две девушки. У одной из них золотистые волосы спускались ниже пояса, у другой же тоненькие черные косички скромно прятались под платком. На головах у девушек красовались вышитые золотом высокие бархатные фески, на шее звенели золотые и серебряные украшения. Золотоволосая оглядела Рустема и его скакуна и, повернувшись к подруге, нарочито громко произнесла:

— Больно уж вырядил коня. Похоже, на скачках будет сзади подбирать подковы!

Громко рассмеявшись, девушки направились к фонтану. Несмотря на то что лица их скрывались под прозрачной фырлантой — тонким шелковым платком, Рустем сразу узнал их. Золотоволосую звали Гуляррой — это была дочь Гафара из нагорной части деревни, а ее подругу — дочь Тарпи Нафэ — Шевкией.

Насмешка задела Рустема, и он сердито крикнул:

— Еще посмотрим, кто из нас будет подбирать подковы: я или твой брат Веис!

Девушка остановилась, приоткрыла лицо:

— Когда мой брат доскачет до финиша, вы будете еще только у табачного сарая Тарахчи-Али.

— Как бы не так! — воскликнул юноша и уже совсем другим тоном спросил: — А почему вы уходите со свадьбы, Гуляра? Вы очень торопитесь?

— А что?

— Да так,— замялся Рустем. — Я хотел бы вам что-то сказать...

Судьба ваша, Рустем, еще туманная! Посмотрим, что будет после скачек! — отшутилась Гуляра.

— Вы сомневаетесь?

— Сомневаюсь.

Вновь прикрывшись фырлантой, она потянула Шевкию за руку, и девушки поспешили дальше. Рустем проводил их смеющимся взглядом.

Вскоре на улицу вышли музыканты, а за ним сваты, гости, и все направились к фонтану. На площади толпа собралась вокруг двадцати верховых джигитов, выстроившихся в ряд. Под звуки давула и зурны всадники перестроились по трое и тронулись в направлении шоссе. Показывая на того или другого джигита, девушки пересмеивались между собой, поддразнивая друг друга. Каждая из них старалась доказать, что именно ее избранник будет победителем на скачках.

Всадники скрылись за поворотом переулкa Асма-кую.

На площади началась пляска. Палки барабанщиков-давульщиков четко отбивали такт. Все — от столетних стариков до десятилетних парнишек — танцевали хайтарму. Зрители, восхищенные особенно хорошим исполнением, засовывали под шапки молодых плясунов бумажные деньги.

Некоторые из джигитов, успевшие хлебнуть на свадьбе, выхватывали из-за пояса пистолеты и стреляли в воздух. Амет,

извозчик Джеляла, и Суннетчи Осман вошли в круг и, подняв руки, пустились вприсядку танцевать лазский танец, выкрикивая: «Присядь! Встань — Ашая энь! Юкарья калк!»

Среди этой шумихи двое весельчаков выкатили из свадебного двора бочку и, подкатив ее к танцующим, начали угощать всех вином. Но веселье в самом разгаре остановилось — все взгляды устремились на появившегося он-баши Абдурамана.

— Что за колготня?! — закричал он, размахивая нагайкой. — Что за сборище? Там, на фронтах, люди кладут головы за царя... А вы? Пируете? Прекратить!

— Абдураман,— слышался в толпе хриплый голос Дульгера-Саледина,— по-твоему, мало того, что сыновей наших пускают под пули, ты хочешь еще запретить и свадьбу сына Куртбедина, калекой вернувшегося с войны?

Молчи, Саледин! — заорал он-баши.— Я знаю, кто ты такой! Ты противник власти! В Сибирь захотел?

— Да, вы это сделать можете,— гневно ответил Дульгер,— вам это ничего не стоит.

— Молчи, кара-баджак!¹ — заорал он-баши.

— Сынок,— ласково обратился к десятнику седобородый Ваджиб, сидевший на камне возле фонтана,— у нас не осталось больше веселья. Горе легло на наши сердца. Теперь народ справляет свадьбу сына бедного Куртбедина. И это, ты считаешь, против закона? Не покарает тебя за это аллах, Абдураман?

— Не зря вы тут устраиваете свадьбу в эти смутные дни! — покосился он-баши на старого Ваджиба. — Куртбедин, хотя и без рук, принес в Бадемлик заразу... Заразу, которая каждый день уводит в лес десятки мужчин!

— Куртбедин порядочный человек, его нельзя упрекнуть в чем-либо,— возразил Ваджиб.

— У этого «порядочного человека» длинный язык!

— На то воля аллаха. Не всех он создает с языками одного размера. У тебя, видать, язык короткий, но сколько длинных

¹ Кара-баджак — черноногий.

бед приносит он нашей деревне!

— Ваджиб-акай! — разъярился он-баши. — Что за бред! Я представитель власти! При всем уважении к вашему возрасту, я...

— ...В Сибирь отправлю, хочешь сказать? Ну что ж, меня это не страшит. Я отжил свое. Я помню день, когда родился твой отец Незир, которому вчера минуло сто девять лет.

Он-баши легонько ударил нагайкой по своим ногам и, растолкав людей, зашагал в сторону Асма-Кую.

— Смотри у меня,— злобно бросил он, обернувшись к Саледину. — Чтоб лишних разговорчиков я больше не слышал!

Как только он ушел, зурна заиграла вновь. Люди пустились в пляс.

Уже приближалось время предвечернего намаза, когда у нижнего конца села, со стороны шоссе, тяжело переводя дух, прибежал Мидат с криком:

— Скачут! Скачут!..

Музыка сразу замолкла. Все кинулись к маленькому холму, возвышавшемуся в конце фонтанного переулка.

Всадники проскакали уже через Таш Копюр и приближались к деревне. С холма было хорошо видно, кто из джигитов вырвался вперед, кто скачет вторым, а кто остался позади.

Над улицей стоял гул от возгласов зрителей, захваченных картиной скачек.

— Держись, держись, Веис!

— Во-он Якуб!

— А где Рустем?

— Вон, вон Рустем!

— Ах, чтоб тебя аллах наказал!

— Мемет обогнал... Мемет из Гавра...

— Нет, оказывается, не он!

— Посмотрим!

— Да не пригибайся, глупец, ведь конь устает! Э-эх! Веиса отлупить надо! Убить его мало! На таком коне — и отстают!

Всадники миновали поворот около дома турка Джеляла, у самого кладбища покинули шоссе и прямо по целине поскакали

к нижнему концу деревни. Только успели джигиты скрыться за деревьями, как толпа закричала:

— Машалла, Рустем! Молодец, Рустем!

— Конечно, он впереди, кто же больше?!

— Саледин-ага, куда ты пропал? Посмотри на сына!

Зрители, прибежавшие обратно на фонтанную площадь, расступились, открывая дорогу наездникам. Первым промелькнул Рустем на Ак-Табане, покрытом пеной. За ним промчался Велиша, сын Гаспара Халиля, а следом проскакали Исмаиль, сын Джеляла, и другие джигиты. Вскоре прибежали два коня без седоков, а семь всадников так и не появились: отстали на полдороге.

Толпа смешалась, засуетилась. Рустем, Веис, Велиша, Исмаиль и несколько других джигитов уже возвращались со стороны Джума-Джали. Кони их горячились, кидаясь то вправо, то влево. Рустем крепко держал в зубах маленькую бархатную подушечку: она была преподнесена ему как победителю на скачках. Девушки и молодые женщины дарили джигитам букеты цветов и осыпали ими коней.

В этой сутолоке взоры людей вдруг обратились к Дочери Гафара-ага. Гуляра, закрытая фырлантой, с букетом красных гвоздик в руках, вышла из толпы и, приоткрыв лицо, приблизилась к Рустему.

— Дарю вам этот букет, Рустем,— сказала она. — А я ведь в душе не сомневалась, что вы придете первым. Кажется, вы на меня тогда обиделись, да?

Рустем сдвинул вверх съехавшую набок шапку, и волнистая прядь волос повисла над левой бровью. Перегнувшись с седла, он принял из рук Гуляры букет и посмотрел в ее лукавые глаза восхищенным взглядом.

— Спасибо, Гуляра! Правда, вы огорчили меня, но теперь букет гвоздик радует мне душу.

—Рустем,— едва слышно прошептала она. —Я... мне в голову пришла страшная мысль... Но иначе... иначе поступить не могу. Сегодня вечером я буду у Теселли! Приходите туда! Буду ждать вас! — И тут же, закрыв вспыхнувшее лицо, быстро отвернулась

и скрылась в толпе.

Теселли — родник на опушке леса!.. Рустем ликовал.

Музыканты снова направились на свадьбу. Часть людей пошла вслед за ними. Охотники выпить остались у бочонка с вином.

Как только Рустем подъехал к своему дому, Саледин-ага, поджидавший сына у ворот, принял коня, поводил его немного по двору, чтобы тот остыл, поставил в конюшню, задал корму и только после этого похвалил юношу за победу и побранил за промахи:

— Сколько раз я говорил тебе: сиди в седле прямо и крепко. Что ты все время пригибаешься вперед? Какая польза от этого коню? И прижимай колени к бокам коня, чтобы он почувствовал смелого всадника! Нельзя болтаться, как куль. Потом, зачем ты распускаешь поводья? Их нужно держать коротко. Тогда конь спотыкаться не будет. Если будешь сидеть в седле, как сегодня, я не позволю тебе больше участвовать в скачках?

— Я все это знаю, отец; только как разгорячишься, так все и выскакивает из головы. Рустем поднялся в мезонин.

«Не пойти ли мне на свадьбу?» — подумал он, стоя у окна и глядя на подернутые сумеречной дымкой горы. Перед его мысленным взором предстал образ Гуляры. В ушах зазвучали ее смущенные слова: «Приходите сегодня вечером... к Теселли». На губах его заиграла улыбка. «О Гуляра, вот, оказывается, какая ты!»

На свадьбу он все же не пошел. Он растянулся на сете и затих, мечтая о предстоящем свидании. Молодец Гуляра! Как она решилась? Посмела нарушить обычаи, издавна укоренившиеся, как святой закон? Впрочем, что же тут удивительного? Гуляра выросла не в такой темной, как у Рустема, семье. Отец ее, Гафар-ага, учился в Бахчисарае, побывал в Петербурге. Возил туда жену и детей... А место свидания Гуляра выбрала хорошее! Она возьмет гугюм¹ и пойдет к Теселли за водой. «Где ты была?» — спросит ее мать. «Ходила по воду», — ответит она, и все тут...

¹ Медный кувшин.

Люди, предпочитавшие пить прозрачную как слеза, сверкающую как хрусталь, холодную как лед, освежающую воду, не ленились ходить за версту в горы — к Теселли.

О эта вода! Холодная, пробивающаяся мелкими звенящими пузырьками из глубины земли... Такая вода может быть только в Бадемликe! За нею обычно ходили между предвечерним и вечерним зовами к намазу.

Когда вокруг скалы Елишь-Кая с ее замшелой острой вершиной начали сгущаться сумерки, Рустем направился к источнику. «Пока еще рановато»,— думал он, шагая по узкой тропинке.

Но ему не пришлось ждать. Как только он миновал узкий проход, пролегающий между огромным валуном и оградой боймы — лесного участка с огородом, перед ним появилась Гуляра. Она чистила свой медный гугюм, растирая его песком. Заслышав приближающиеся шаги, девушка оглянулась и, чтобы не показать, что уже давно поджидает здесь Рустема, быстро спрятала кувшин под желоб.

— Вы здесь, Гуляра? — подавляя волнение, проговорил Рустем. — Правильно ли я понял слова, которые вы сказали три часа тому назад? Вы пожелали, чтобы я пришел к источнику... Правда?

В ее глазах отразилось смятение.

— Да, я так пожелала,— прошептала она. — Простите меня.

— Прощать? Вас? За что?

— Я стала безрассудной. Сама позвала вас сюда... Я знаю, что это не по шариату... Но...

— Гуляра, я тоже хотел видеть вас! Очень благодарен...

— Я рада за ваш сегодняшний успех. Вы получили приз...

— Подушечка принесла мне счастье!

— Вы не впервые его получаете,— засмеялась Гуляра.

— О, сегодня особенное счастье,— возразил Рустем.— Не получи я подушечки — не получил бы и цветов из ваших рук и не услышал ваших слов. Я не нашел бы вас.

— Разве вы меня теряли?

Лукавый вопрос поставил Рустема в тупик. Он не знал, что

ответить. Девушка родилась на другом конце деревни и там провела восемнадцать лет своей жизни. Стремился ли он к Гуляре до сих пор? Нет, он не помышлял о ней, как и ни о ком другом. Женитьба не занимала его мысли. Выросший в жестких, суровых руках Саледина-ага, Рустем еще не думал о любви.

«Поезжай в лес! Привези дров! Гони лошадей в ночное!» — все эти повседневные дела не оставляли времени для романтических мечтаний. Откуда ему знать о нежных чувствах?.. И чувства его спокойно спали. Но всему свое время. Девушка, подарившая ему красные гвоздики, впервые пробудила в нем неведомое сладкое волнение. Любовь раскрыла глаза и увидела перед собой Гуляру.

Рустем молчал. Девушка вытащила из-под желоба гугюм и начала смывать с него песок.

— Нет. Я вас нашел впервые,— наконец ответил Рустем.

Гуляра покраснела и, чтобы скрыть смущение, быстро заговорила:

— Мой брат очень сердит на вас. Что вы ему сделали?

— Да я только пошутил тогда, во время скачки. Чтобы Веис не отставал, я раза два стегнул кнутом его коня. Стоит ли из-за этого сердиться?

А у него с перепугу конь споткнулся, чуть не упал.

Я этого не заметил,— пробормотал Рустем.

Девушка промолчала. Она уже пожалела о том, что затеяла разговор о брате. Но джигит, наконец, заговорил снова:

— Гуляра, вы имеете привычку ходить в лес — собирать кизил?

— Нет, а что?

— Я завтра иду в лес. Может быть, пойдем вместе? Скажите и Веису. Мы там и помиримся с ним.

— Было бы хорошо. Но... боюсь, мама не разрешит.

— Почему?

— Говорят, в лесу много дезертиров-качаков.

— А чего бояться? Это же наши парни. Если они там встретятся, то, вероятно, попросят поесть, только и всего.

— А вы их видели?

— Видел. Мой отец, когда идет в лес, иногда берет для них из дома хлеб. Если он не встречается их, то оставляет хлеб в дупле бука, растущего у самой хижины дяди Селима, а оттуда они сами забирают.

— Каждую неделю угоняют людей на войну,— задумчиво проговорила девушка. — И не только молодых. Неужели заберут и папу? Говорят, что Джелял дал слово волостному правлению отправить из нашей деревни еще шестьдесят человек. Да ниспошлет аллах всякие напасти на голову этого дангалака¹!

— Шестьдесят человек? А кто же тогда будет обрабатывать его табачные плантации? Не дочь же его Эмине и не сын Исмаиль? Ты посмотри, сколько человек уходят по утрам работать на них. Больше половины деревни! А сколько еще украинцев-сезонщиков там? Кого же он собирается на фронт отправлять?

— Тех, кто им недоволен.

— Ему благодарны только Кязим-бей да Зекирья. Но они-то табак не окучивают.

В это время за скалой слышались конский топот и чьи-то голоса. Гуляра в замешательстве поднялась и, подхватив гугюм, поспешила домой. Рустем спрятался в орешнике над источником.

Шла война, джигиты уходили из деревни, и все труднее становилось многим семьям. Нужда заглянула и в дом плотника Саледина. Она заставила и Рустема пойти работать на табачные плантации Джеляла. В Бадемликe появились урядники и приставы. Волостное правление забирало у жителей рабочий скот, уводило коров. Рустем лишился Ак-Табана. Вся семья четыре месяца работала не покладая рук, урезывая себе в пище, чтобы скопить денег, и, наконец, купили клячу. Она была так худа, что можно было пересчитать все ребра, а тонкая шея чудом поддерживала костлявую голову. Саледин-ага маялся с

¹ Просторечное название турка.

беднягой, откармливал все лето, пока она не набралась сил.

Пришла осень, а за ней и зима. Нужда все теснее сжимала горло жителей Бадемлика.

А весною вновь зазеленели, зацвели леса в горах. Только они и радовали жителей.

Занятые с утра до вечера работой, Рустем и Гуляра редко видели друг друга. Он подстерегал Гуляру теперь на полевых тропах, в ярах, а в один из майских вечеров опять встретил у Теселли.

Увидев юношу, неожиданно появившегося из-за скалы, Гуляра растерялась.

— Что вы здесь делаете? — спросила она дрожащим голосом.

— Я так перепугалась: думала, какой-нибудь качак.

— Я давно здесь. Поджидаю вас.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Но... мне скучно без вас, Гуляра!

— Ах, Рустем! Расскажите лучше, как вы живете, как ваша семья?

И Рустем рассказал:

— Фикрет пропадает где-то целыми месяцами. Иногда придет ночью, а потом опять исчезнет надолго. Никому ничего не говорит. Станный брат у меня. Я думал, что он скрывается в лесу. Но позавчера ночью Сеттар-ага был у нас. Он сказал, что с Фикретом не встречается давно.

— Где же он тогда?

— Не знаю. Боюсь, как бы вновь не связался с Исмаилом.

— С сыном дангалака?

— Да.

А какие у него с ним могут быть дела, Рустем?

— В прошлом году Фикрет хотел жениться на Эмине,— сестре Исмаила. Отец наш не согласился.

— Но Эмине красивая девушка. И умная. Она и характером совсем не похожа на своего брата.

— Все это верно, но мне кажется, что сейчас трудно даже думать о женитьбе. Времена-то...

— Вы совершенно изменились, Рустем. Я начинаю вас

бояться.

— Почему, Гуляра? Разве я такой страшный?

— Нет, но вы за последние дни стали произносить такие слова, каких я ни от кого не слышу.

В эту минуту, совершенно неожиданно, из-за изгороди чаира, находившегося недалеко от источника, показалась голова Фикрета. Гуляра испуганно вскрикнула и, схватив гугюм, хотела убежать, но Рустем удержал девушку. Тогда она вылила воду и, вновь подставив гугюм под желоб, нагнулась за ним.

— Что ты здесь делаешь в такой поздний час? — спросил Фикрет брата, спрыгивая с забора. Но, заметив Гуляру, хитро улыбнулся. — А-а, понятно. Страдаешь, стало быть. Здравствуй, Гуляра!

— Здравствуйте, Фикрет-ага...

— Сидите и оба молчите?.. И где? У Теселли, где обычно люди изливают свою нежную любовь.

— Я жду, пока Гуляра наберет воду.

— Я помешал вам, не так ли?

— Нисколько. Откуда ты идешь, Фикрет? Мать очень беспокоится за тебя.

Гуляра наполнила гугюм водой, просунула руку в его изогнутую ручку и, прижав к боку, направилась домой.

— До свидания,— сказала она. — Спокойной вам ночи.

— До свидания, Гуляра! — ответил Рустем. А Фикрет сделал вид, будто и не услышал ее.

— Чего матери обо мне беспокоиться? — грубовато бросил он, когда Гуляра скрылась за поворотом тропинки. — Сами заставили меня покинуть дом, а теперь беспокоятся?.. Не понимаю.

— Мать... Она не может не беспокоиться. Ты это должен понимать.

— Зачем они меня тогда прячут?

— Затем, как я догадываюсь, чтобы ты не был убит на войне.

— А почему ты думаешь, что я обязательно буду убит?

— Может быть, и не будешь,— ответил Рустем. — Но разве тебе хочется идти на войну воевать за царя?

— А за кого, по-твоему, следует воевать?

— За того, кто хочет избавить нас от нужды.

— А разве есть кто-нибудь, кто сможет это сделать?

— Сеттар-ага говорит, что есть...

— Сеттар бредит. Где он раскопал эту ересь: власть бедных, власть богатых! Почему он забивает нашему отцу голову всей этой чепухой?

— Это не чепуха, Фикрет! Ты заблуждаешься. Сеттар-ага зря ничего никогда не говорит. Он был на войне и бежал оттуда... и, по-моему, не зря.

— Бежал потому, что на войне страшно. Он просто дезертир.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Чего Сеттар добивается, ты знаешь? Он путает отца, чтобы его загнали в Сибирь.

— Да ты что, Фикрет? В уме ли? Как ты смеешь говорить такие вещи?

— Знаю, о чем говорю. Не беспокойся! Придумал он какую-то власть бедняков. Он знает, что в деревне много голодранцев. Хочет иметь среди них славу.

— Сам-то ты кто? Не бедняк?

— Да, бедняк. Но мне надоело им быть. Я хочу жить.

— Как? Став владельцем плантаций, табачных складов, виноградников?

— А что, плохо разве?

— Выходит, не зря отец опасался того, чтобы ты не стал слугой тунеядцев. Теперь я понимаю, чью ты песню поешь. Ты снюхался с Исмаилом. Волочился за Эмине. Месяцами пропадал в их доме. Тебе понравилась их жизнь.

— Не твоего ума это дело! И не задевай Эмине. Сам ты путаешься с Гуляррой, которая одного ногтя Эмине не стоит. На свидания она к тебе бежит по ночам в лес. Постеснялась бы шариата.

Рустем вскочил в гневе и, сжав кулаки, чуть не бросился на брата:

— Я люблю Гуляру и не скрываю этого ни от кого. Придет время, пойду к ее отцу и попрошу благословения. Но во дворец

Джелала я не полезу. Понял?

— Ты что, угрожать начинаешь? — выкрикнул Фикрет. — Смотри! Я еще поговорю с тобой, сопляк.

— Говори хоть сейчас.

— Не хочется поднимать сейчас шум! — сквозь зубы процедил Фикрет и, резко повернувшись, зашагал прочь вдоль берега маленькой тихой речки.

Рустем долго смотрел ему вслед. Когда фигура брата растворилась в сумерках, Рустем сел на камень и задумался. Он думал о Фикрете и никак не мог понять, что такое происходит с братом.

Шорох за спиной вывел Рустема из задумчивости. Он оглянулся. Раздвинув ореховый куст, появилась Гуляра.

— Вы разве не ушли? — удивленно воскликнул Рустем. — Вы спрятались и слышали весь наш разговор?

— Нет, Рустем! — ответила девушка. — Я была дома и все смотрела с террасы на дорожку, по которой вы должны были возвращаться. Но вы не шли. Я не вытерпела и — сюда. Смотрю, по нижней тропинке шагает Фикрет-ага.

— Куда он пошел? Вы не заметили, Гуляра?

— Домой. О чем вы тут так долго говорили, Рустем?

— О многом, Гуляра! Мы не виделись с ним давно. Садитесь. — Рустем подвинулся на камне. — Посидите хоть минутку рядом со мной. Мне очень грустно.

Гуляра присела на камень рядом с ним.

— И я много хочу вам рассказать... но мы всегда торопимся, Рустем. Поговаривают, что скоро война кончится. Папа хотел увезти нас в Петербург. Да его самого, бедного, уже угнали на войну.

— Война кончится. Кто это сказал?

— Дядя Экрем. Он позавчера вернулся с фронта. Он и говорил. Ведь когда-нибудь она все же кончится! Рустем, поедете тогда с нами в Петербург?

— Что мне там делать?

— То же, что делает и мой двоюродный брат Энвер.

— Энвер — ученый человек. А я... началась война, и школу-то

закрыли.

— Будете работать, помогать папе. Он хочет после войны опять открыть фруктовую лавку.

— Отец меня в Петербург не отпустит. А если убегу из дома, мать умрет с горя.

— Для вас, значит, лучше киснуть в этой деревне, среди скал?

— Хорошо, если кончится война, Гуляра! Но мне хочется, чтобы после нее мы не знали нужды. И не только мы... Вы посмотрите на эту прохладную, чистую как слеза воду, которая пробивается из глубины земли. Как она кипит и играет! Взгляните на эти горы и долины. Если уехать, то больше их не увидишь!

Из-за дубравы слышался зов:

— Гуляра! Гуляра!

Девушка поспешно поднялась с камня.

— Это мама зовет. До свидания, Рустем! Вы идите понизу, чтобы мама не увидела вас.

Как только Гуляра скрылась, Рустем, понутив голову, побрел домой. Фикрета он не застал. И вот почему...

Подойдя украдкой к воротам дома, Фикрет наткнулся на отца, который заставил его исчезнуть вновь. Он дал ему знать, что в соседнем дворе ходит он-баши Абдураман.

— Иди в Чаир, что за рекой Тавшан-Тепе! — сказал Дульгер. — Укройся там в шалаше. Я выеду на дорогу поздно ночью. Услышав в тишине дребезжание колес арбы по каменистой дороге, ты спустишься к мосту около табачных сараев Тарахчи-Али, и поедем с тобой на ярмарку.

Фикрет повиновался. Направляясь в Чаир через фруктовый сад соседа авджи Кадыра, он у источника под высоким дубом заметил Сеттара, который, идя из лесу, решил подождать тут удобного случая, чтобы зайти в дом в отсутствие отца.

— Это вы, Сеттар-ага? — спросил Фикрет, перепуганный этой неожиданной встречей. — Что вы тут в такой поздний час делаете?

— Тихо! Не кричи так, — предупредил его Сеттар, — можешь

не называть моего имени! Кого ты тут ищешь?

— Никого... Я иду в Чаир.

— Зачем? Дома что-либо случилось?

— Нет. Но во дворе Зейтулды-ага бродит он-баши.

— Ты бежишь от него?

— Да, отец хочет взять меня с собой на ярмарку. Буду ждать...

— Тебе не надо ехать на ярмарку! Дорога через Сюйрень опасная. На каждом перекрестке засада. Задержат сразу.

— Отец знает окольную дорогу...

— Это дальше, когда выедете за Сюйрень. А до Сюйрени по ущелью одна лишь дорога. Это ловушка.

— Да, но что делать? — произнес Фикрет грустно. — Так велел отец.

— «Велел отец»... можно подумать, что ты маленький ребенок... Сам ты о чем-нибудь думаешь?

— О чем мне думать? О том, как остановить войну? Это не в моих силах!

— Почему ты бежал из леса? Чтобы предать нас Джелал-бею? Тебе очень хочется, чтобы лилась на войне людская кровь?

— Я бежал потому, что не хочу умереть в лесу от голода. А предавать вас... зачем? Какая от этого мне польза?

— Что ты думаешь делать, Фикрет?

— Поеду на ярмарку. Быть может, проеду мимо войны. Там будет видно. А идти в лес, по ночам ходить на большую дорогу, чтобы раздевать проезжего!.. Нет, Сеттар-ага, стать айдутом я не хочу!

— Айдут? Ты называешь меня и моих друзей разбойниками?

— вскричал Сеттар, хватаясь за браунинг. — Как ты смеешь? Сейчас прикончу... и не пожалею ничуть.

— Делайте что хотите! — сказал Фикрет дрожащим голосом.

— Мне теперь все равно.

— Ты жалкий человек. Но благодари бога, я слишком уважаю Саледина-ага, который — не кусок мяса, как ты, а различает белое от черного.

— Сеттар-ага,— произнес Фикрет, пристально посмотрев на него,— у нас с вами разные пути. И едва ли они когда-нибудь

сойдутся!

— Я это понял,— ответил Сеттар,— и очень сожалею, что так получилось. Но я пойду своей дорогой. Я был на войне. Мне стало больно стрелять в тех, кто всю свою жизнь гнул спину на дармоедов. И я бежал с фронта. Бежал не в дом отца, а в лес, где сейчас нас, татар и русских, не мало. Не скрою... Иногда мы сидим без хлеба. Но мы знаем, во имя чего мы голодаем. Нам надоело видеть Бадемлик несчастным. Он должен избавиться от горя.

— Избавится ли?

— Избавится! Там, на подножьях Карпат, где идут страшные бои, среди людей есть такие, которые убеждены, что от горя можно избавиться. Для этого нужно усилие...

Сеттар накинуд на плечо пустую вязаную деревенскую сумку и двинулся по узкой дорожке, ведущей к дому отца. Фикрет, опустив голову, стал взбираться на горку.

Во дворе под широким навесом сарая Рустем увидел арбу, груженную плетеными корзинами, вилами, граблями и несколькими мешками сушеных фруктов. Рядом валялись хомут и постромки. Юноша поднялся в мезонин и, раздевшись, лег рядом с Мидатом. Он уже начал было засыпать, когда донесшийся из сада хруст насторожил его. Прислушавшись, Рустем понял, что это лошадь, привязанная к ореховому дереву, ест корм.

Несколько месяцев отец держал кобылку на лугу, а сегодня привел ее домой: значит, собирается в дорогу. Раньше Саледин-ага брал с собой и Фикрета. Теперь его нет. Но Рустему ничего не было сказано о том, что нужно куда-то ехать. Странно!

Шум во дворе заставил его в середине ночи снова открыть глаза. Скрипели ворота, слышались человеческие голоса. Он выглянул во двор: мать закрывала ворота, арбы под навесом уже не было.

— Мама! — крикнул Рустем. — Что случилось? Где отец?

— Уехал за горы на ярмарку.

Мать направилась в дом.

— Один уехал?

— Нет, не один.

Голова Тензиле-енге показалась в проеме лестницы у самых ног Рустема.

— С Фикретом,— прошептала она. — Фикрет будет его поджидать у табачных сараев Тарахчи-Али. А ты спи, нечего выглядывать.

Рано утром Мидат толкнул Рустема в бок:

— Арбы нет, лошади нет. Ты не знаешь, куда поехал отец?

— На ярмарку.

Мидат был обижен до слез.

— Он даже не спросил, чего мне привезти...

— Ты уже не маленький, обойдешься,— ответил Рустем и, надев чарыки, направился на чаир Джеляла.

Надсмотрщиком на плантации обычно был один из родственников хозяина. Он же и встречал рабочих. Сегодня у калитки сидел родной брат Джеляла — Абдулла.

— Куда идешь? На базар, что ли? — закричал он на Рустема. — Ты разве забыл, что на работу надо выходить с рассветом? Из заработка вычту за опоздание. Поторапливайся!

— Я пришел вовремя,— сказал Рустем и, не ускоряя шага, прошел мимо.

Батраки и батрачки, с цапками на плечах, подходившие к грядкам, показались ему сегодня особенно подавленными. Похоже, Абдулла напустился и на них.

Молодая украинка Настасья Тукаленко сидела на куче сорняка и плакала.

— Что такое? — встревожено спросил ее Рустем. — Почему вы плачете?

— Хочу на родину, а хозяин не дает заработанных денег,— ответила женщина. — Получила письмо: дом наш сгорел, сестра при смерти. Надо бы проститься с ней, а у меня денег на дорогу нет. Хозяин говорит: поедешь осенью.

— Осенью? Когда сестра уже умрет? Сзади раздался сердитый голос Абдуллы:

— Чего стоишь как кол?! Почему не начинаешь работу?

Рустем понял, что эти слова относятся к нему, и, глядя на турка, спросил у женщины:

— Кто ему сегодня наступил на хвост? Чего он петушится?

— Не знаю,— всхлипывая, ответила Настасья. — Зверем стал.

Абдулла не расслышал слов Рустема, но по движению его губ и сердитому взгляду последнего, видимо, кое о чем догадался и погрозил пальцем.

— Я еще поговорю с тобой! Смотри у меня!

Юноша хотел ответить ему, но работавший рядом Сефар Газы-ага остановил его:

— Помолчи, Рустем, злых собак не перегавкаешь, только на свою голову беду накличешь. У них деньги — у них сила и права.

Люди трудились без передышки, окучивая уже начинающую распускать листья рассаду до тех пор, пока солнце не обогнуло Куш-Каю. Абдулла, злой как волк, рыскал по плантации. И только тогда, когда он ушел обедать, люди, вздохнув свободно, присели на землю передохнуть и перекусить.

Вместо Абдуллы после обеда на плантации появился сын хозяина Исмаиль, коренастый молодой человек, носивший красную феску с пышной черной кистью. Работа возобновилась. Исмаиль ничего не понимал в табачном деле, но каждый раз, как кто-нибудь разгибал усталую спину, начинал выходить из себя. Крик его не умолкал. Лишь ко времени вечерней молитвы, уgomонившись, он разрешил крестьянам разойтись. Усталые, разбитые за день люди сложили свои цапки в углу сарая и разошлись по домам.

Проходя мимо Исмаиля, стоявшего у ворот и звонко щелкавшего стеком по голенищам своих до блеска начищенных сапог, Рустем попробовал попросить его за Настасью.

— Будьте великодушны к этой женщине,— сказал он, кивнув на Настасью, шедшую следом за ним. — У ее родных сгорела изба, сестра умирает. Она хочет свидеться с ней, а денег на дорогу нет.

— А тебе какое до нее дело? — огрызнулся Исмаиль. — У нее свой есть язык!

— Утром я просила Абдуллу-ага,— сказала Настасья, которая хорошо понимала их язык. — Он не пускает.

— Абдулла-ага знает, что делает! У него голова работает лучше, чем у тебя.

Рустем закипел гневом и обидой, кровь ударила ему в голову, губы задрожали.

— По-вашему, только вы, баре, умники, а мы — ваши рабы — лишены ума?

— Откуда у вас ум? — засмеялся Исмаиль, помахивая стеклом. — Ты посмотри на свои штаны — весь срам наружу. Сначала прикройся! Эх ты, а еще принимаешься к Гуляре!

Исмаиль повернулся, показывая, что разговор окончен, но Рустем схватил его за ворот и притянул к себе.

— Не спеши! Разговор не окончен! — в бешенстве произнес он.

— А что, разве не правда, что ты заглядываешься на Гуляру? — выкрикнул Исмаиль.

— А тебе-то что?

— Не видать ее тебе как своих ушей! Понял? Да убери ты руки, жених зачумленный!

— Кто зачумленный?

— Ты, конечно. Не я же.

— Посмотри мне в глаза! Ты знаешь о том, что твой отец авантюрист, удравший из Ускудара, убил твоего деда? А ты сын этого проходимца! Насильники вы проклятые!

Рустем размахнулся и двинул мощным кулаком барича в левую скулу. Исмаиль перекувырнулся и покатился в глубокий каменный овраг, край которого был в нескольких шагах от ворот.

Рустем постоял немного на месте в раздумье, затем оглянулся вокруг, шагнул вперед, чтобы уйти, и неожиданно наступил на что-то мягкое. Нагнувшись, он разглядел красную феску, валявшуюся в пыли. Он изо всех сил пнул ее ногой. Феска полетела в обрыв вслед хозяину: Рустем сплюнул и пошел домой. Но, перейдя мост, он вдруг остановился, затем повернул не домой, а к крутым холмам, тянувшимся в стороне от

деревни.

Домой он так и не вернулся. На другой день Мидат обошел все дома, не пропуская ни одного, но Рустема нигде он не нашел. Тензиле-енге послала младшего сына в Кок-Козы к Сеяре — Рустема не было и там. Мидат ушел в деревню Гавр, к тетке Уман, но и там не видели Рустема.

Мать была в отчаянии.

— Боюсь, с ним случилось несчастье! — говорила она плача.

В эти горестные дни к ним заехал Какра Мевлюд из Озен-баша, который занимался тем, что разъезжал верхом по деревням с привешенными по сторонам седла корзинами — тарпи, скупал у крестьян яйца и перепродавал их в Ялте.

— Мевлюд-ага, наш Рустем пропал,— стала жаловаться ему Тензиле-енге. — Отец на ярмарке, еще ничего не знает. Уж не убежал ли он в Ялту? Прошу вас, Мевлюд-ага, сделайте для нас доброе дело: возьмите с собой Мидата, может, он найдет брата. Какра Мевлюд пожал плечами:

— Да разве найдешь его в таком большом городе? У кого спросишь? У кого узнаешь? А может, он сел на пароход и удрал в Батуми? Впрочем, вряд ли. Время сейчас военное, причалы в портах охраняются полицией.

— Мевлюд-ага, если Рустем не найдется, я сойду с ума! Умоляю вас! — упрашивала Тензиле-енге.

— Ладно, пусть пойдет со мной,— согласился наконец Мевлюд.— Только ведь я езжу через Ауткинское ущелье. Выдержит ли Мидат такую дорогу?

— Выдержу! — закричал Мидат из сеней, где он уже натягивал на ноги чарыки, готовясь в дальний путь.

Тензиле-енге поставила перед Мевлюдом чебуреки и кофе. Он стал есть вместе с Мидатом. После полудня Мевлюд пустился в путь. Он шел, ведя лошадь на поводу, а юноша следовал за ним.

Через шесть суток, не найдя брата в Ялте, Мидат вернулся домой. Только на двадцать первый день после исчезновения Рустема во двор въехала арба Дульгера-Саледина. Он молча распряг коня и начал перетаскивать мешки с пшеницей, бурдюки с салом и другие припасы в кладовую. Не дождавшись

сына, он спросил Мидата:

— Где Рустем? Почему его не видно? Вышедшая встретить мужа, осунувшаяся от горя Тензиле заголосила:

— Нет нашего Рустема! Нет его! Пропал!

— Как пропал? Что ты воешь? Мидат пояснил:

— На другой день, как вы уехали на ярмарку, Рустем утром пошел на работу и больше не вернулся. Вот уже три недели, как урядник разыскивает его.

— Урядник? Что ему нужно?

— Говорят, что Рустем избил Исмаиля и его даже в больницу увезли в Кок-Коз... Поэтому и ищут Рустема. Если найдут, он угодит в тюрьму...

Саледин-ага сел на топчан, стоявший перед верандой, и погрузился в невеселые думы, забыв о стынувшем перед ним кофе. Он долго сидел, дымя глиняной трубкой, и, ничего не сказав, поднялся, отвязал лошадь и повел ее к воротам. Уже выходя, он обернулся, веки его вздрагивали.

— Фикрета забрали в солдаты. Нет у нас больше Фикрета. И вот Рустем пропал!

Дульгер не видел, как его Тензиле рухнула наземь. Мидат с трудом затащил мать в комнату и уложил на подушки. В доме воцарилось тяжкое молчание.

Саледин-ага вернулся в полночь. Лицо его немного посветлело, в глазах появился блеск, но при виде лежавшей почти в беспамятстве жены он вновь помрачнел.

— Фикрет! Рустем! — стонала она. — Сыны мои!

— Рустем жив и здоров,— тихо проговорил Саледин-ага, и Тензиле-енге, словно очнувшись, воскликнула:

— Жив-здоров? Мой Рустем жив-здоров? Откуда вы узнали?

— Я был в Кок-Козе. Сегодня Соганджи Якуб вернулся из Севастополя. Брат нашего зятка Сеид Джелиль передал через него, что Рустем там и просит, чтоб о нем не горевали. Предупредил также, чтобы в деревне об этом никто ничего не знал.

Уже не слезы неутешного горя, а слезы материнской радости смочили подушку. Но радость омрачилась мыслью о Фикрете.

— Как же его взяли? Расскажите...

— Нас остановили в Сүйренском ущелье на заставе. Солдаты преградили нам дорогу и потребовали бумагу. Я дал знак Фикрету. Тот соскочил с арбы, но его сразу поймали и под конвоем отправили в Бахчисарай. Там уже было много таких, как наш Фикрет. Пришлось мне ехать на ярмарку одному.

— Мой бедный Фикрет! — простонала Тензиле-енге. — Потеряли обоих сыновей! Хотя бы съездить к Рустему и повидаться с ним: не натворил бы он и там чего!

— Я, пожалуй, съезжу,— решил Саледин-ага. — У нас в чаире созрели помидоры и перец. Если снять урожай и повезти на базар, можно будет выручить несколько рублей и оправдать дорогу, но лошадь... Она не дойдет туда...

Во дворе пропел петух. Окна засветились серебром луны. Саледин-ага положил подушку под голову и растянулся на ковре. Несмотря на горе, усталость взяла свое — вскоре раздался его мощный храп.

Еще неизвестно, что ожидает его завтра. Все так быстро меняется! Но по воле ли божьей? Дульгер-Саледин-ага не отрицает бога, но и не совершает ежедневных намазов. Посещает мечеть он только по пятницам, да и то лишь потому, что боится осуждения соседа авджы Кадыра. Детей своих старик отдал в школу и очень сожалел о том, что в начале войны ее закрыли. Когда мужчины, собравшись у фонтана, заводили беседу о том о сем и заговаривали о Сеттаре, сыне авджы Кадыра, то Саледин, удивляя односельчан, становился всегда на защиту его.

Сеттар был не одинок. Таких джигитов, как он, было несколько. Скрываясь в лесах, они останавливали на поворотах большой дороги груженные фургоны Кязим-бея и Джеляла, отбирали мешки муки, а после целую ночь перетаскивали их в горы.

— Хорошо делают,— говорил Саледин-ага. — Это добро — результат нашего труда.

Сеттар изредка спускался с гор и, тайком заглядывая к Саледину, не раз намекал ему, что война может плохо кончиться

для беев и мурз. И старик с нетерпением ожидал окончания войны.

Сегодня он проснулся с рассветом. Выпив кофе, Дульгер погнал лошадь на водопой и повстречался с он-баши Абдураманом.

— Саледин, тебе нужно явиться в волостное правление,— объявил тот, покручивая усы.

— А что мне там делать?

— Не знаю. Но явиться надо немедленно. Запомни, второй раз я не приду за тобой, чтобы напомнить об этом.

И ушел. Саледин-ага, почесывая бороду, погрузился в думы.

— Опять, наверное, из-за Рустема,— строила догадки Тензиле-енге.

Саледин-ага вытащил из кармана кисет, молча набил трубку и, задымив, вышел из ворот. Он прошел километров семнадцать.

Когда он подошел к волостному правлению, было уже далеко за полдень. В тени каштанов, росших у Кок-Козской больницы, сидели мужчины и женщины, ожидавшие приема врача. Около каменного моста под распряженными обозными телегами безмятежно спали, обросшие щетиной старые солдаты.

Саледин перешел мост и направился к двухэтажному каменному зданию. В коридоре с высокими белыми дверями по обе стороны было много народу. Иные посетители дремали, сидя на полу, подстлав под себя чекмени; другие, стоя или облокотившись о подоконник, потихоньку беседовали о чем-то. Никто даже не оглянулся на старика. Он дважды медленно прошелся взад и вперед по коридору, пока в одной из комнат через приоткрытую дверь не приметил лысую голову инспектора жандармерии Малинина, сидевшего за столом. Открыв дверь, Саледин-ага робко спросил:

— Вы меня вызывали?

Малинин, только что весело разговаривавший с каким-то молодым человеком в белом костюме и каракулевой шапке, непринужденно развалившимся в кресле, стукнул карандашом о стол, сдвинул брови и, придав своему лицу важный и строгий

вид, резко проговорил:

— Вызывал, Дульгер, заходи!

Саледин вошел. После долгого пути у него ныли ноги, и поэтому он хотел было присесть на свободный стул, но Малинин прикрикнул:

— Встань! Здесь тебе не каве-хане! Старик отступил к стене.

— Нуредин-эфенди! — обратился Малинин к своему собеседнику в белом. — Это отец того самого Рустема, о котором я вам говорил. Узнаете его?

— Как же не узнать? — ответил юзбаши¹. — Из Бадемлика...

Полулежавший в кресле молодой человек поднял на Дульгера красивые черные глаза.

— Где твой сын Рустем? — начал задавать вопросы Малинин.

— Не знаю,— пожал плечами Саледин-ага.

— А кто знает? Ты же сам его спрятал! Скажи, где сын?

— Не знаю. Я на ярмарку ездил. Когда вернулся, Рустема уже не было дома.

— Чей товар ты продавал?

— Свой, конечно. Вилы, грабли... Чей же может быть у меня товар?

— Я вижу, ты ездил прятать Рустема, не так ли? — мягко и вкрадчиво спросил Малинин.

— Нет, я никого не прятал. Со мной был Фикрет.

— А где сейчас Фикрет?

— Его схватили по дороге и угнали в солдаты.

— А тебе известно, что твой Рустем убил Исмаиля, сына почтенного Джеляла-бея?

— Нет,— ответил пораженный Саледин-ага, сразу меняясь в лице. — Об этом я ничего не знаю!

— Если ты не приведешь Рустема, мы тебя самого упечем на каторгу. Вот и подумай! У тебя голова уже седая! — закончил Малинин.

Нуредин-эфенди, внимательно смотревший во время допроса на Саледина-ага, поднялся и, поглаживая мизинцем тонкие длинные усики, подошел к двери. Повернув ключ, он снял со

¹ Сотник.

стены нагайку с вплетенным в ее конец куском свинца.

— Малинин-эфенди,— сказал он сухо,— вы слишком деликатничаете с этим карабаджаком¹! Вы видели когда-нибудь отца, не знающего, где его сын? А ну-ка подойди!

Дульгер-Саледин не сдвинулся с места. Прижавшись к стене, он опустил голову и повторил:

— Я не знаю, где Рустем!

— Не знаешь?! — в бешенстве закричал юзбаши. — Мерзавец!

— Он размахнулся и ударил нагайкой его по лицу.

Старик зашатался, но остался на ногах, прислонившись левым боком к стене.

— С тобой, видно, так и надо разговаривать! Теперь развяжешь язык! Ну, так приведешь сюда своего Рустема или сам в кандалах зашагаешь в Сибирь и сгниешь там?

Дульгер, с трудом оторвав спину от стены, сделал шаг вперед... Из рта и рассеченной щеки струилась кровь.

— Не знаю,— еле слышно прошептал он. — Я не видел Рустема.

Юзбаши бил Саледина по плечам, по лицу, пояснице, ногам. И тот, окровавленный, повалился на пол. Нуредин-эфенди отбросил нагайку в сторону и, обращаясь к Малинину, сухо приказал:

— Надо убрать его отсюда и посадить в каталажку. И пока сын не придет за ним — не выпускать!

Малинин вышел в коридор. Минут через пять два жандарма, подхватив Саледина под мышки, увели его.

Старика допрашивали и избивали еще трое суток. Стегали, прижигали лицо горячей папиросой. Но ничего, кроме слов «не знаю», не смогли добиться. На четвертые сутки его выпустили.

Под вечер, весь в кровоподтеках и ранах, Саледин-ага добрал до дома. Но у ворот его покинул остаток сил, и он в беспамятстве повалился на землю.

¹ Черноногий.

На северной стороне Севастопольской бухты, которая среди татар получила название Насверн, недалеко от пристани находился постоянный двор — Хан азбары, окруженный рядом низеньких строений, в которых размещались пекарня, кофейня и склад для фруктов. Двор этот принадлежал Сеиду Джелилю — старшему брату мужа Сеяры.

Приехал сюда Сеид Джелиль шесть лет назад. Проучившись в гимназии три года, он был исключен из нее как сын несостоятельного крестьянина и, не зная, куда деться, поступил на службу мальчиком в мануфактурный магазин караима Мангуби на улице Нахимова. Но через год хозяин уволил Джелиля за ссору со своим сыном. Сеид опять остался без дела. Но тут его поддержал брат Велял, предложивший открыть фруктовую лавку. Фрукты для своей лавки они скупали у крестьян, приезжавших на постоянный двор грека Якусиди, человека уже старого, не имевшего ни детей, ни родственников. Больших выгод эта лавка братьям не приносила, и Велял вновь вернулся в Кок-Коз. Сеид остался один.

Однажды Якусиди спросил Сеида Джелиля:

— Скажи-ка мне, жениться ты не собираешься?

— Нет, пока с этим делом не тороплюсь,— ответил Сеид.

Кто с тобой еще живет?

— Никто!

Старик задумчиво опустился в ободранное кресло из орехового дерева.

— Закрой свою лавку и переходи ко мне,— сказал он вдруг весело. — Я знаю твоего отца и мать, люди они очень порядочные. Старуха моя, как тебе известно, недавно умерла, и меня тяготит одиночество.

— Но сумею ли я быть для вас выгодным помощником? — пытался возразить Сеид Джелиль. — Ведь у меня нет капитала.

— Я этого не требую,— оборвал его Якусиди. — Мне нужен просто надежный человек.

Не прошло и месяца, как Сеид Джелиль распродал свою последнюю партию фруктов, рассчитался с владельцем

помещения и переехал к Якусиди, юридически оформив свое вступление в торговое дело грека.

Проработав с Сеид Джелилем четыре месяца, старик, уже убежденный в деловитости помощника, решил поехать в Сухуми за маслинами. Но обратно не вернулся. Джелиль писал сухумскому городскому голове, справлялся в управлении жандармерии, ему отвечали: «Якусиди Харлампий Христофорович, рождения 1849 года, в Сухуми не прибывал». Так и не выяснив ничего об участии старика, Джелиль стал владельцем постоянного двора.

Однажды на рассвете во двор Сеид Джелиля заехала крытая брезентом арба, груженная лесными фруктами — кизилом, дикими яблоками, малиной и орехами. Из нее вышел хромой крестьянин, за ним Рустем. Узнав от владельца кофейни, где живет Сеид Джелиль, Рустем пришел к нему.

Сеид Джелиль еще спал. Открыв дверь и увидев осунувшееся знакомое лицо, он воскликнул:

— Рустем! Я тебя совсем не узнаю. Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного! — ответил Рустем тихо. — Вы не ждали меня, не правда ли?!

— Признаться, да. С кем ты приехал?

— С дядей Керимом.

— Садись, рассказывай, что с тобой стряслось?

Почему так изменился? Ты что, болен?

— Ехали двое суток, — сказал Рустем, садясь на сет. — Я очень устал.

— Как жизнь в Бадемлике?

— Неважная, Сеид Джелиль-ага, — ответил Рустем, тяжело вздыхая. — Я бежал оттуда.

— Почему?

— Поцапался с одним... Исмаиля, сына Дэкеяла, помните?

— Помню, как же? Ну и что?

Рустем рассказал ему все, что произошло.

— Исмаиль умер? — спросил Джелиль, обеспокоившись. — Если умер, то дело плохо...

— Не знаю. Он упал с обрыва, а я не стал его искать.

— Что ты думаешь делать, Рустем?

— Приехал к вам, Сеид Джелиль-ага! Появляться в Бадемликe мне больше нельзя!

— Но тебя могут найти и тут. У жандармерии уши и руки длинные. Ты это знаешь?

— Знаю. Я надеюсь, что вы меня спрячете подальше.

— А как дядя Саледин? Тензиле-енге? Они знают о том, где ты?

— Нет.

Сеид Джелиль прибрал постель, потушил свет, раздвинул занавеску на окне. В комнату проник бледный свет раннего утра.

— Надо дать отцу знать, что ты у меня,— проговорил наконец Джелиль в раздумье. — Иначе они сойдут с ума. Ты что-нибудь говорил дяде Кериму?

— Говорил. Просил, чтобы он молчал о том, что я здесь.

— Это верно, но пусть он об этом скажет, по крайней мере, отцу и матери.

— Не лучше ли, чтобы и они пока ничего не знали? Тем более, что отец уехал в Мелитополь.

— Нет, пусть дядя Керим по возвращении в Кок-Коз пойдет в Бадемлик и сообщит Тензиле-енге, что ты у меня. Пусть она успокоится.

— Удастся ли мне, Сеид Джелиль-ага, устроиться на какой-либо работе?

— Найти какую-нибудь работу можно, Рустем, но времена тяжелые. А говорить ты по-русски умеешь?

— Объясняться могу. Кузнеца в Бадемликe, дядю Тимофея, помните? Он меня учил.

— Ну что же. Завтра поищу для тебя работу,— сказал Сеид Джелиль. — А пока иди умойся. Скоро откроется кофейня, позавтракаем вместе.

— Мне бы, Джелиль-ага, поспать немного. Голова болит.

— Вот постель, ложись! А я пойду поговорю с дядей Керимом.

На следующий день Сеид Джелиль вернулся домой поздно вечером. Целый день он пробыл в городе, пока с помощью

Мангуби не договорился относительно работы Рустема в корабельных мастерских.

— Придется тебе поступить пока учеником,— сказал он Рустему. — Потом будет видно. Держи себя скромно, не горячись с людьми, не говори им лишнего. Постарайся освоиться с делом быстрее, иначе церемониться с тобой не станут. Выгонят.

— С кем я буду работать? — спросил Рустем, опасаясь, что люди Джелаль-бея разыщут его и там.

— С кем? О, люди там порядочные,— ответил Сеид Джелиль, — они знают жизнь лучше, чем мы с тобой.

— Вы живете, Сеид Джелиль, очень прилично. Я это сегодня заметил.

— Да, мне повезло, Рустем,— ответил Сеид Джелиль задумчиво. — Но это приличие не радует меня.

— Почему?

— Об этом поговорим после.

Рано утром Сеид Джелиль и Рустем вышли с постоялого двора, толкаясь среди шумных продавцов и покупателей, приехавших на базар; они спустились по мощенной булыжником покатою улице и, дойдя до берега моря, быстро зашагали по сырой каменистой дороге.

Через четверть часа Джелиль остановился возле зеленых железных ворот и бросил на Рустема беспокойный взгляд.

— Сейчас зайдем к управляющему,— сказал он. — Будешь стоять около меня и молчать. Ты пришел не говорить, а работать. Сандлеру нужны лишь широкие плечи и крепкие руки. А ими бог тебя не обидел. Понял, Рустем?

— Понял, Сеид Джелиль-ага!

Они прошли во двор. Из открытых дверей четырех больших помещений доносились стук молотков, скрежет токарного сверла и напильников. Из закопченного окна пристройки вылетали смешанные с сажей желтые искры. Правая сторона двора была открыта и выходила на морской берег, к пристани, у которой стояли шаланды, лодки и катера, лениво качаясь на слабых волнах. На борту чрезмерно высокого судна с погнутым

носом сновали рабочие в замасленных спецовках, клепали проржавевшее железо. Из глубины трюма доносилась заунывная матросская песня. Посередине двора рабочие грузили на подводы железные решетки и чугунные листы. Кругом стоял неугомонный глухой говор мастерового люда.

Сеид Джелиль и Рустем вошли в контору. Возле открытого окна стоял человек очень высокого роста, худой, с бледным маленьким лицом и, нервно покусывая губы, смотрел на рабочих, грузивших подводы. Он не слышал, как открылась дверь, и когда Сеид Джелиль поздоровался с ним, вздрогнул.

— Вот, Яков Самсонович, парень, о котором я вам говорил,— сказал Джелиль. — Полностью за него ручаюсь.

Яков Самсонович окинул Рустема с головы до ног строгим взглядом и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два,— ответил за него Джелиль.

— Вот что,— сказал Сандлер, обращаясь к Джелилю. — Я принимаю парня на работу, поскольку его рекомендует такой почтенный человек, как Мангуби. Вас я тоже знаю давно. Учтите, буду надеяться, что вы меня не подведете!

— Можете не беспокоиться,— ответил Джелиль, вежливо раскланиваясь. — Я вам очень обязан.

— Объект у нас очень важный,— продолжал Сандлер. — Мне приходится головой отвечать за каждого работника.

— О нет...— начал было Сеид Джелиль, но Сандлер повернулся к окну и крикнул:

— Находкина ко мне!

Через минуту в контору вошел коренастый человек в чистой спецовке, лет сорока; лоб и щеки его были покрыты мелкими морщинками.

— Вот этого парня,— сказал ему Сандлер, указывая на Рустема,— проводите в слесарный и вручите Андрианову, пусть поучит его. И вы присматривайте. Чтобы он меньше шатался без дела. Поняли?

— Понял, Яков Самсонович! — ответил Находкин и, сделав знак Рустему, вышел. Рустем пошел за ним. Вскоре поднялся и

Сеид Джелиль.

— Благодарю вас, Яков Самсонович! — сказал он, прощаясь.
— Не забудьте в будущее воскресенье заглянуть ко мне. Время летнее. Я получаю из Гавра чудесные вишни.

Сандлер улыбнулся в ответ.

Так молодой Рустем вошел в среду рабочих большого портового города и в этой бурной жизни провел целый год.

Работа в корабельных мастерских показалась деревенскому юноше трудной и на первых порах даже странной и непонятной. В Бадемликe с рассвета до позднего вечера он гнул спину на табачных плантациях Джеляла и, возвращаясь домой, еле волочил ноги, но там были свои, близкие, родные люди, с кем можно было отвести душу, а тут постоянно звенело железо и раздавались окрики Находкина, который вечно рыскал по цехам, следил за работой каждого, накладывал на людей штрафы и доносил обо всем Сандлеру.

Тем не менее спустя несколько месяцев Рустем нашел, что работа здесь куда более интересная, чем в Бадемликe. Среди рабочих оказалось немало и татар. В первое время Рустем только с ними и общался. Но потом привык к Андрианову, пожилому человеку, искреннему и бескорыстному, который усердно старался передать ему все свои знания и опыт. Начав с ним работать как ученик, Рустем быстро втянулся в слесарное дело. Такое старание его было приятно Андрианову. Находкин и тот заметил: «Эта темная деревенщина усердно окунулась в работу». Но грусть, говорят, всегда преследует радость. Этот старый человек, изумительный мастер, вглядываясь время от времени в Рустема, неожиданно для себя обнаруживал на его лице признаки каких-то глубоких и тщательно скрываемых чувств. Горячий и живой от природы, Рустем часто становился задумчивым, беспокойным, словно боялся чего-то. И другие рабочие цеха, встречая в воскресные дни возле мясных будок идущего с опущенной головой Рустема, спрашивали его: «Что с тобой? Почему ты скис?» И тогда он вдруг начинал шутить, избегая прямого ответа.

Незаметно пришла вторая осень, тихая, теплая южная осень.

Однажды утром в цехе появился Сандлер. Он объявил, что вчера принял срочный заказ на ремонт небольшого судна, пострадавшего в бурю где-то недалеко от Одессы.

— Даю вам двадцать дней,— сказал он рабочим. — Закончите к сроку, прибавлю к зарплате. Не закончите — вы больше мне не нужны.

Вечером, когда над Инкерманскими горами сгущались серые тучи, старый мастер и Рустем возвращались с работы.

— Я вижу, тебя что-то угнетает,— проговорил Андрианов. — В чем дело?

— А вас, Сергей Акимович, ничего не угнетает? — спросил в свою очередь Рустем.

— Меня? — Андрианов с удивлением посмотрел на Рустема. — Пожалуй, да!

— Почему же тогда я должен быть исключением?

— Сынок, то, что берedit мою душу, волнует многих. Но ты стал слишком замкнутым. Разве моя отцовская к тебе близость, моя откровенность недостаточны для того, чтобы ты не скрывал от меня ничего?

— Я не решался вам говорить. Я ведь бежал от преследования.

— Кто же тебя преследует?

— Джелял-бей из Бадемлика. Я избил его сына. И не знаю, жив он или умер.

— Стой! Это не сын ли того самого турка, для паровой мельницы которого два года назад мы собирали моторы?

— Он самый.

— Да пропади он пропадом!.. Так ты беспокоишься за его сына?

— Нет. Я беспокоюсь, что жандармы издеваются над моими матерью и отцом.

— Откуда ты об этом узнал, Рустем?

— Во двор к нам заезжают крестьяне из Бадемлика. Они говорят.

— Жаль... Но помочь твоему горю я не в силах. Скажи мне, сколько в Бадемлике таких, как Джелял?

— Двое.

— А сколько таких, как твой отец?

— Триста семьдесят человек.

— И тебе, Рустем, по душе такая жизнь в Бадемлике?

Мастер и его ученик медленно шли по узкому переулку. Слева шумели волны моря. Рустем вдруг остановился возле рыбной будки, нахмурил брови и пристально посмотрел на приземистую фигуру своего спутника.

— Нравится ли мне такая жизнь в Бадемлике? — повторил он его слова. — А разве такая жизнь только в Бадемлике?

— Вот, Рустем, в этом-то и все зло!.. Ты говоришь, что избил сына Джеляла. И избил, надо думать, по заслугам. Но станет ли от этого жизнь в Бадемлике лучше? А ведь таких беев много и в Кок-Козе, и в нашем Бердянске, и везде, по всей России. И многие из них побогаче вашего Джеляла. Все они живут плодами нашего труда. Наши братья гибнут на поле брани. Проливают кровь. Хорошо это, скажи, Рустем?

— Плохо, Сергей Акимович, очень плохо. Я не мог смотреть без слез на своего отца, когда он вечерами возвращался из леса усталый, изможденный, таща на плечах полмешка диких орехов, а потом возил их продавать на ярмарку потому, что дома у нас не было куска хлеба. Сеттар-ага мне говорил, что все это кончится. Но когда? Человек рождается для того, чтобы жить. Но разве мы живем? Разве это жизнь? Неужели нельзя жить иначе?

За будками торгового ряда раздался свисток ночного дежурного жандарма.

— Ну ладно, в другой раз я тебе кое-что расскажу. — И Сергей Акимович, кивнув Рустему, двинулся в сторону пристани. Около городских весов они разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи.

На следующий день Сергея Акимовича в мастерских не было. Сандлер отправил его на корабельную сторону. Для чего? Никто толком объяснить не мог. Одни говорили, что ему дали какое-то особо важное задание, другие — что он находится вовсе не на корабельной стороне, а где-то во дворце Юсупова и чинит

там водопровод. Прошел месяц-другой — Рустем стал скучать по своему наставителю, а потом и беспокоиться. Старый, дряхлый мастер Коробов, к которому придали Рустема, был скучен и рассеян, к юноше не проявлял особого интереса.

Была уже середина зимы, когда в цеху появился Сергей Акимович и, увидя Рустема, весь засиял от радости и обнял его словно родного сына.

Через несколько дней после их встречи, во время дневного перекура, Сергей Акимович сидел на пустом ящике во дворе мастерской рядом с человеком лет тридцати пяти, без двух пальцев на правой руке, и долго разговаривал с ним. Иногда они украдкой поглядывали на Рустема, который в это время, уперев ногу в железную решетку, соскабливал затвердевшую грязь с сапога. Этого беспалого человека Рустем видел первый раз, но чувствовал, что с Андриановым у него речь идет о нем. «Не слишком ли я откровенничаю с Сергеем Акимовичем? — с беспокойством подумал Рустем. — Сеид Джелиль-ага всегда меня предупреждал: молчи, не говори лишнего! А я вот не могу... Но нет, Сергей Акимович не такой...»

Не успел Рустем очистить другой сапог, как беспалый человек вскочил на ноги и крикнул во весь голос:

— В Петрограде революция! Товарищи, вы слышите меня?! Нет больше паразитов! Нету царя...

Рабочие, находившиеся во дворе, всколыхнулись все сразу. Весть распространилась с быстротой молнии. Во двор бежали рабочие из всех цехов, собрались вокруг Федора.

Старый мастер в отчаянье просил:

— Уведите Федора! Уведите его, ради бога! Здесь не место для сборища. Только беду накличем на свои головы.

Среди тревожного гула людей вдруг слышался нечеловеческий голос Находкина:

— Молчать! Молчать, дьяволы! Расходись!

— Не подходи! — закричал ему Федор. — Скоро ты будешь качаться на этом столбе рядом с фонарем.

— Взять его! — заорал Находкин. — Связать! Трое здоровых парней, появившихся вместе с Находкиным, попытались

схватить Федора, но рабочие мгновенно окружили его, вывели за ворота, где ему дали возможность незаметно исчезнуть, и затем разошлись по цехам.

— Что это значит, Сергей Акимович? — спросил Рустем своего мастера, когда они уже стояли за станком. — В стране больше нет правительства?

— Нет царского правительства... — ответил он. — Но что пользы? Буржуи его ведь не покинули!

— Как? На кого мы теперь работаем? На Сандлера или на себя?

— К сожалению, все еще на Сандлера. Но придет и другая революция. Она придет к нам, Рустем!

В цеху стояла глухая тишина. А Находкин все метался взад и вперед, бледный, растерянный. К концу дня в цехе не стало младшего Казанцева и четырех рабочих из токарного цеха. Их всех отправили в полицию. Сандлера с утра вовсе не было видно.

Придя домой поздно вечером, Рустем застал Сеида Джелиля за рассматриванием книжки в голубой обложке. В ней были куплеты кабацких песен и портреты голых танцовщиц.

— Ко мне сегодня заходил Эреджеб из Кок-Коза, — сказал Сеид Джелиль, швырнув книжку на кровать. — Он сказал, что дядя Саледин все еще болеет. Живут очень тяжело. Я послал им деньги и немного продуктов.

Слезы невольно навернулись на глаза Рустема.

— Как я виноват перед отцом! Из-за меня ведь он мучается...

— Не огорчайся, Рустем! Сейчас мы бессильны помочь ему.

— Но знаете, Сеид Джелиль-ага, в наших мастерских есть люди, которые могут сделать многое для того, чтобы моего отца не терзали такие, как Джелал и Кязим-бей.

Заметив возбуждение Рустема, Сеид Джелиль указал рукой на уже остывающий суп.

— Ты разве не голоден? — спросил он. — Садись-ка, поешь!

Рустем разделся и, умывшись, сел за стол. В комнате воцарилось молчание. Лишь после того, как смолкло

дребезжание выезжающей со двора крестьянской арбы, Сеид Джелиль вышел из оцепенения.

— Какие это люди? — спросил он, остановившись за спиной Рустема.

— Люди, озабоченные судьбой бедняков,— ответил Рустем.— Но как поздно все это я стал понимать!

— Что они тебе предлагают?

— Мне? Пока ничего.

— Молод ты еще, Рустем. Будь осторожен. Не попадись в ловушку! В нашем городе много разных шпииков.

— А сами-то вы, Сеид Джелиль-ага, о чем думаете? Мне это очень интересно.

— Я стал в этом городе человеком коммерции. Мне нужно продержаться столько, сколько потребуется для достижения цели.

— У вас есть цель? Какая же она? Разумеется, я не хочу стать банкиром. Вы очень скрытный, Сеид Джелиль-ага.

— Советую то же самое и тебе, Рустем!

Кто-то постучал в дверь. Рустем откинул задвижку. Вошел Фазыл-ага — работник кафе-хане.

— Привезли картофель,— доложил он Сеид Джелилю. — Посмотрите... Принять? Или ждать следующей партии?

— Надо проверить,— сказал Сеид Джелиль и, надев шапку, вышел во двор.

Рустем пошел в соседнюю комнату и повалился на кушетку.

В одну из теплых майских ночей Сергей Акимович стоял у высокого деревянного забора на окраине города, недалеко от ветряной мельницы. Заслышав шаги идущего в темноте человека, он отошел к деревянной ограде и стал наблюдать. Человек, дойдя до угольного склада, остановился. Сергей Акимович подошел к нему.

— Тебя никто не заметил? — спросил он тихо. — Никто не шел за тобой?

— Нет,— ответил Рустем. — Никто!

Сергей Акимович медленно стал спускаться вниз по

извилистой узкой тропинке. Рустем последовал за ним. Спустившись под горку и повернув налево, они вошли в широкий переулок, обсаженный карагачами, потом перелезли через деревянную изгородь, миновали большой двор, посередине которого стоял кирпичный дом с забитыми окнами, и очутились на вершине скалы, под которой бушевало море.

— Здесь,— сказал Андрианов чуть слышно, когда его догнал Рустем. — Здесь надо спуститься на берег. Только осторожно. Щель опасная...

Спустившись вниз, они быстро пошли по песку мимо рыбацких хибарок. Возле лодок, лежащих на берегу, уткнувшись носами в мокрый песок, стали попадаться люди, но Андрианов не обращал на них внимания. Шел смело. У остроконечной скалы, выступающей стеной из воды и загораживающей проход по берегу, он остановился.

— Рустем! Дай слово, что никому ни слова не скажешь о том, что сейчас увидишь и услышишь.

— Клянусь вам, Сергей Акимович, самому благородному человеку...

— Обещай, что ни при каких обстоятельствах не изменишь, никого не предашь! Обещай, что не отступишь ни перед какими опасностями. Обещай мне все это, Рустем!

— Клянусь! — повторил Рустем. — Я не отступлюсь ни перед чем.

— Хорошо. Перед нами скала. Видишь, в ней маленькая дверь, обитая железными листами?

— Вижу.

— Сейчас мы войдем в эту рыбацью пещеру.

Андрианов постучал в дверь. Человек с черной длинной бородой впустил их внутрь и тотчас закрыл за ними вход. Андрианов и Рустем, миновав узкий темный коридорчик, вошли в большую комнату, освещенную двумя фонарями. Неровные стены ее были выбелены известью, в углу стоял большой сундук, а на нем горкой лежали ватные одеяла и подушки.

На узкой длинной скамейке сидело пять человек, семеро

расположились на каменном полу. На бочке шипел самовар, испуская пар. В комнате было душно и пахло жареной рыбой. Находившиеся здесь люди о чем-то оживленно говорили. Но при появлении Андрианова и Рустема смолкли и переглянулись.

Поздоровавшись, Сергей Акимович сказал:

— Я привел юношу, о котором вам говорил. Рустем Саледин оглу.

Скуластый человек с маленькими глазами и угловатым подбородком, в матросской тельняшке, сидевший на краю скамейки, внимательно посмотрел на Рустема.

— Парень, видать, крепок телом,— сказал он, улыбаясь. — А как духом?

— Такой же и духом,— ответил Андрианов. — Ярый противник плантатора Джеляла.

— Садитесь! — предложил скуластый человек. — Думаю, достаточно того, что вы сами привели его сюда. А ты, молодой человек... я не расслышал... Как тебя зовут?

— Рустем!

— Ну вот, Рустем, ты знаешь, за что ты борешься?

— Я еще не боролся... только собираюсь,— ответил Рустем. — Я согласен с тем, что мне говорил мой мастер: люди рождаются на свет не для того, чтобы одни трудились день и ночь, а другие кейфовали в роскошных дворцах.

— Ты, значит, хочешь, чтобы не было такой несправедливости?

— Да, хочу! Я много об этом думал.

— А ты знаешь, Рустем, что в Петрограде больше нет царя?

— Слышал. Но, говорят, у власти уже буржуи. Почему так? Разве этого мы ждали? Нам нужна земля... а ее не получили мы.

— Будет земля! Только ее надо суметь завоевать... Братцы! — сказал скуластый матрос, окинув всех сидящих твердым взглядом. — Я пришел сюда от имени революционного комитета матросов. Имеются сведения, что через три дня приедет военный министр нового правительства. Надо встретить высокого гостя с почетом.

— Военный министр? — переспросил Андрианов удивленно.
— Что, сам Керенский?

— Да. Его превосходительство,— ответил матрос с иронией.
— Мы, матросы, решили в дни пребывания его в городе не выполнять ни одного приказа Колчака, сорвать церемониальное шествие, которое Колчак готовится устроить в честь его приезда.

— Но это грозит большой опасностью для дела,— сказал пожилой человек в брезентовой шляпе, сидящий возле сундука,
— он устроит после этого на кораблях целый погром. Мы потеряем ценных для революции людей. Наше благородное начинание погибнет...

— Нет. В случае большой угрозы...

— У нас плохо с оружием,— перебил его Андрианов,— а вы говорите — угроза.

— Матросы имеют оружие,— сказал скуластый,— но не об этом сейчас речь. К вам одна просьба. Поезд придет утром. В этот день вокруг двора адмирала и на вокзале будут усиленные наряды. Но, как бы они ни были усилены, это всего-навсего наряды. А казарма охранных войск находится тут... на Северной стороне. Так вот, вы должны договориться с капитанами катеров, чтобы они в этот день покинули бухту. Пусть отплывают в сторону Балаклавы. Когда катера исчезнут, уберите с берегов и лодки. Тогда Колчаку не на чем будет внезапно перебросить из казармы войска. А наряды не осмелятся покинуть его дом.

— Катера и лодки... конечно, это мы сумеем,— сказал Сергей Акимович,— только все это надо сделать глубокой ночью. А чего мы этим добьемся?

— Как — чего? Не выполнить приказы командующего. Что может быть важнее этого? А то Керенский думает, что Севастополь является опорой его правительства на юге. Однако мы не хотели бы, чтоб завтра среди вас оказались такие, как тот Федор, который кричал у вас во дворе: «Произошла революция! Нет больше царя!» Не надо своим неразумным криком предупреждать врага. Надо застать его врасплох! Скуластый

матрос продолжал:

— Матросы поднимут восстание, а рабочие парализуют путь охране верхушки. Надо взять под свой контроль пристань. Вы, Сергей Акимович, готовьте у себя людей. Остерегайтесь предательства Находкина. А насчет оружия... я вот что хочу спросить у вас, Сергей Акимович. Ведь еще при прошлой встрече мы договорились с вами, что вы перевезете на Северную сторону винтовки, запрятанные на берегу, возле Золотой Балки. Не сейчас, так потом... винтовки так или иначе будут нужны.

— Не удалось,— ответил Андрианов. — Четыре раза пытались. Береговая охрана задержала две наши моторные лодки с людьми.

— Надо попытаться в пятый, и в последний раз,— сказал матрос.— Разве у нас нет смельчаков? А вот новый наш друг, Рустем. Не поручить ли ему?

— Он еще зеленый для такого серьезного дела,— сказал человек в брезентовой шляпе.

— Ничего,— возразил матрос. — С ним будут двое наших. Завтра к обеду к мастерским подъедет на лодке человек в рабочей куртке. Договоритесь с ним о времени. Ты согласен, Рустем?

— Согласен! — с восторженным замиранием сердца ответил гоноша.

— Не подкачаешь?

Рустем, чуть обиженный вопросом матроса, в котором прозвучало опасение, пылко ответил:

— Можете не сомневаться! У людей, живущих в горах, есть и хитрость...

На следующий день Рустем и два моряка, переодетые в судовые механики, перевезли винтовки в погреб во дворе рабочего кирпичного завода, проживающего на окраине Северной стороны.

Министр приехал важно и чинно, под усиленной охраной. Но город не оказал его личности особого уважения, матросы

вывесили на кораблях унижительные для премьера лозунги. Подразделения отказались выполнять какие бы то ни было приказания командования. Властитель принял сверхстрогие меры к усмирению зачинщиков восстания, он срочно вернулся в Петроград и будущего претендента в верховные правители России — Колчака отстранил от должности командующего Черноморским флотом. Вновь назначенный командующий произвел аресты участников митинга на полуэкипаже, установил во флоте жесткий режим. Меншевики и эсеры подняли головы, начали рыскать везде и предавать борцов за свободу. Город затаился в ожидании новых событий.

Однажды, в конце октябрьских дней, по городу прокатилось известие, что правительство Керенского в Петрограде пало. Вместо него создано правительство рабочих и крестьян.

— Вот видишь,— сказал Сергей Акимович,— совершилось то, о чем мы все мечтали. Это та революция, которая передаст беднякам земли Джелял-бея!

— Одного Джелял-бея?

— И Кязим-бея... и всех тех, кто над твоим отцом издевался.

— О мой бедный отец... Услышит ли он в глухом, маленьком Бадемлике об этой радостной вести? Поймет ли?

— Услышит... Скоро услышит! Там...— Андрианов указал рукой на другой берег бухты,— там, в городе, народ, видимо, уже ликует. Хочешь, поедem туда! Отныне мы на Сандлера не работаем.

— Так быстро? Согласится ли он? А Находкин?

— Зачем нам Находкин? Революция! Наша революция, ты это понимаешь?

Сев на лодку, они отправились в город. На улицах толпились тысячи людей. На площади, у памятника Нахимову, шел митинг матросов, солдат и рабочих. Оратор поздравлял население города со свершением пролетарской революции.

Через час толпа людей, построившихся в шеренги, двинулась по улицам. Проходив среди них целый день, Сергей Акимович и Рустем поздно вечером вернулись домой. На следующий день они застали Находкина, к их удивлению, в цеху,

свиристующего больше, чем когда-либо. В этот день Сандлер уволил более двадцати человек за сочувствие революции, заставив остальных работать с раннего утра до позднего вечера. Так продолжалось много дней.

Рустем и многие другие были вынуждены уйти с работы и скрыться в рыбацких хибарках, притулившихся у скал на берегу бухты. Но оставаться здесь становилось с каждым днем опаснее. Что делать? Андрианов был арестован. С товарищами из Совета Рустем потерял связь. Одни из них были заключены в тюрьму, другие так же, как и он, скрывались поодиночке. Рустему хотелось посоветоваться обо всем с Сеидом Джелилем. Но как с ним увидеться? Тут ему помогла гроза.

Рустем накинул длинный брезентовый плащ, опустил капюшон на глаза и в самый ливень отправился на постоянный двор. У дверей кофейни он столкнулся с Сеидом Джелилем. Тот не узнал Рустема и, подозрительно покосившись, прошел мимо. Юноша дернул его за рукав и движением глаз поманил за собой. Войдя в зал, он скинул мокрый плащ, повесил на гвоздь у очага и обернулся к Сеиду.

— Ты? — удивился Джелиль. — Откуда? Рустем оброс, сильно похудел, лицо его осунулось и посерело.

— Рустем, дорогой, что с тобой случилось? — спрашивал Джелиль. — Где ты был все это время? Ты очень изменился.

— Уже полтора месяца, как я нигде не работаю. Товарищей своих я растерял...

— А ты? Тебе разве не надо уходить? Смотри, кругом немцы и белогвардейцы.

— Но куда мне идти?

— Только в Россию. Хотя бы в сторону Ростова.

— Да, но как?

— Это можно устроить. У меня есть друзья в депо. Я сумею договориться с машинистом паровоза.

— Но у меня в кармане ни гроша.

— Найдем! — Сеид Джелиль поманил кофейщика. — Фазыл-ага, налейте, пожалуйста, нам кофе. Ты, наверное, голоден, Рустем? В пекарне есть слоеные булгача... Фазыл-ага, скажите

там, пусть нам принесут горяченьких... Машинист довезет тебя до Джанкоя, а там передаст с рук на руки на другой паровоз. А в Керчи договоришься с рыбаками. Они доставят тебя в Тамань. Деньги? — Сеид Джелиль обвел взглядом кофейню и, убедившись, что подозрительных людей нет, вытащил цветастую пачку, сунул ее в карман Рустема. — Можешь выехать сегодня же ночью. Прошу тебя, не показывайся на улицах. Сиди до вечера у нас

дома!

— Сидеть-то я могу. Но... я не совсем уверен, должен ли я бежать? Бегут те, кто боится за свою шкуру.

— Иногда бегут ради пользы дела, — возразил Сеид Джелиль. — Ты думаешь, я коммерсант и ничего не понимаю? Ошибаешься... Вот ты живешь у меня два года, но не знаешь, что этот постоянный двор с пекарней и кофейня — все это не мое. Владелец их пропал по дороге в Сухуми. Я — мнимый хозяин. Да! А ты слышал, что большинство нашей молодежи из полка, где служил твой брат Фикрет, перешло на сторону большевиков и выступило против белых? А Фикрет... остался у белых.

Лицо Рустема потемнело, он гневно вскочил.

— Мой брат... Фикрет? Кто это сказал?

— Есть человек, который точно это знает. Я очень сожалею, что Фикрет не пошел по пути своего соседа Сеттара. Но не будем больше об этом.

— Скажи мне, Сеид Джелиль-ага, что делается в Симферополе? Говорят, там появился генерал... Сулейман Сулькевич и формирует татарские эскадроны!

— Да, это дело рук немцев. Сулейман их ставленник. Посмотрим, что из этого выйдет... Ты поешь и иди сейчас ко мне домой. Я тоже скоро буду. Жди меня.

Опрокинув свою чашку на блюдце вверх дном, Сеид Джелиль вышел из кофейни. Глядя в окно на его удаляющуюся фигуру, Рустем с болью в сердце думал о Фикрете...

Фазыл принес на подносе пирожки. Запах горячих и жирных булгача ударил в нос, и Рустем только сейчас почувствовал, как сильно он голоден.

Старика привезли из больницы, когда горы уже покрылись снежной пеленой. Он еще целый месяц не мог собраться с силами. Даже есть ему помогали родственники, соседи, друзья.

Оправившись от всего пережитого, Саледин поведал жене и младшему сыну о том, как его выпустили из тюрьмы. К нему в камеру при волостном правлении явился надзиратель, чтобы повести на очередной допрос. Дульгер пытался сопротивляться. Тогда разъяренный надзиратель, взяв лежавший в коридоре около караульного сапог, с размаху ударил кованым каблуком старика по голове. Подкова раскроила Саледину лоб. Тюремный врач немедленно сделал ему укол, привел в сознание. Боясь, как бы он не скончался в камере, со старика взяли какую-то подписку и поспешили выпустить.

Последствия удара давали себя чувствовать и после больницы. Голова его иногда начинала непроизвольно дергаться, и при этом он ощущал такую острую боль, будто в мозг вонзали шило. А шрам от удара подковой остался на лбу на всю жизнь.

Время шло... Уже второй год, как нет Рустема. Писем он домой не пишет. Раньше близкие к Саледину-ага люди, побывавшие в Севастополе, приносили о нем известия. Говорили, что жив и здоров. Теперь о Рустеме ничего не известно. Сеид Джелиль молчит.

В один из весенних дней в деревне появились немецкие солдаты. Боясь, что они могут отобрать его последнюю клячу, Саледин-ага, захватив с собой Мидата, уехал в лес на все лето — на заготовку древесного угля. Тензиле-енге пригласила к себе на это время дочь Сеяру с годовалой внучкой, отец которой, заслышав о начавшемся наборе в эскадрон Сулеймана Сулькевича, скрывался в горах.

Однажды Тензиле-енге сидела утром на Топчане и пила кофе.

Неожиданно во двор вошла Гуляра.

— Селям алейкум, Тензиле-енге! — сказала она робко. — Я пришла к вам с вестью.

— Алейкум селям, дитя мое. Рассказывай, какая у тебя весть?..

— Моему брату передали письмо на ваше имя. Может быть, это от вашего сына Фикрета-ага и в нем что-нибудь сказано и о моем отце? — сказала девушка.

Вытащив из-за пояса, отделанного позументами, истрепанный конверт, испещренный множеством печатей, Гуляра протянула его старухе. Тензиле-енге осторожно вытащила исписанную зеленоватую бумажку и, надев очки, начала читать. Через минуту она радостно воскликнула:

— Правильно, дочка, письмо от моего Фикрета! Но я плохо разбираю его почерк.

В это время в дверях показалась Сеяре. Она обнялась и поцеловалась с девушкой. Дочь Тензиле-енге была на два года старше Гуляры и до замужества дружила с ней.

— Ты, Гуляра, что-то очень изменилась! Давно я тебя не видела.

— Я принесла письмо от Фикрета-ага! — сказала Гуляра.

— На, читай, дочка! — нетерпеливо попросила Тензиле-енге, обращаясь к Сеяре.

Девушка начала читать:

— «Дорогие, многоуважаемые и добрейшие родители! Шлю вам свой самый сердечный привет. Шлю также поклон сестре моей Сеяре и братьям моим Рустему и Мидату. Спешу сообщить вам, нас привезли в город Рыбинск в кавалерийский полк. Три месяца я участвовал в боях и получил ранение в ногу. Семнадцать дней пролежал в лазарете в городе Казатин. Сейчас я жив и здоров, чего и вам желаю от всевышнего аллаха. Стоим в деревне, в четырех километрах от Проскурова. В нашем полку служат также сыновья дяди Абдулгазы — Сеит Вели и Сеит Ариф, а также Сугют из соседней деревни Гавр. Как прослышал я, наших земляков также много в Шепетовке. За последние дни положение у нас изменилось. Многие солдаты начали переходить на сторону большевиков, которые хотят создать

свое правительство. Я много думал над этим. Полагаю, что ничего из этого не выйдет. Но Сеит Ариф не послушался меня и сбежал к большевикам. Я уверен, что он потом раскается. Что делает Рустем? Где он? Что слышно о Сеттаре? Говорят, что в Петербурге произошел бунт. Пока вы не пишите мне. Похоже, что мы скоро уедем отсюда.

Ваш сын Фикрет. 28 ноября 1917 г.»

— Все! — вздохнула Гуляра. — О папе ничего не сообщает.

— Слава аллаху, мой Фикрет жив! — воскликнула, радостно сияя, Тензиле-енге.

— Письмо написано очень давно, — заметила Сеяре. — Интересно, где же оно лежало все это время?

— Может, за эти полгода с Фикретом что-нибудь случилось? — вдруг опечалилась Тензиле-енге.

— Будем надеяться на лучшее, — сказала Сеяре, — но письмо брата меня не только обрадовало, но и удивило.

— Почему?

— У нас все думают, что большевики справедливые люди, а Фикрет не хочет переходить к ним. Ведь он ученый и умный. Что с ним стало?

— Я ничего не понимаю в этих властях. Какие солдаты ни придут, все только и делают, что грабят, — пробурчала Тензиле-енге.

— Я слышала, большевики так не поступают, — возразила Гуляра. — Дядя Экрем встречался с ними в России.

— Этот Экрем всюду путается и во все вмешивается, — рассердилась Тензиле-енге. — Уже одну ногу потерял, кажется, потеряет теперь и голову. Говорят, он ходит на Бабуганскую яйлу, к дезертирам... А как поживает твоя мама, дочка? — переменяла она тему разговора.

— Нам очень трудно без папы.

— А что Веис?

— От него мало пользы. Возраст у него призывной. Иногда он по целым месяцам пропадает где-то, а когда вернется — слова не вырвешь. Сегодня немцы поймали его в верховьях Кок-Картала. Он прикинулся дурачком, но они все-таки забрали его

и посадили на линейку за кучера. Как бы чего не случилось. А Рустем-ага что, все еще в Севастополе?

— Полгода тому назад был там,— ответила Тензиле-енге. — А где сейчас, не знаю.

Накинув фырланту, Гуляра поднялась с места.

— Я пойду, Тензиле-енге. Будьте здоровы!

— В добрый путь, доченька. Передай привет маме. Когда Гуляра быстрыми и легкими шагами скрылась за калиткой, Сейре с улыбкой посмотрела в лицо матери:

— Мне кажется, Гуляра хотела узнать что-нибудь о Рустеме, а вы ничего так и не сказали, что могло бы успокоить ее сердце!

— А что я должна была сказать, дитя мое? Я и сама ничего не знаю о нем.

— Во всей округе не найдешь такой красавицы, как Гуляра. Если по воле аллаха они поженились бы, то наш Рустем был бы очень счастлив. Ее родители — люди ученые, знают свет. Да и сама Гуляра не из тех, кто кроме четырех стен ничего не видели. Но она, бедняжка, так похудела...

Грустная шла Гуляра домой. Она действительно думала о Рустеме. Еще накануне истории с Исмаилем он сказал ей: «Я тебя никому не отдам... Ты будешь только моей... Я тебя никогда не забуду!» Как давно это было! Отца ее забрали в солдаты. Рустем исчез. Теперь нет вестей ни от Рустема, ни от отца. Сейчас у нее одна надежда — Рустем! Сначала, когда до Гуляры дошли слухи о смерти Исмаиля, она очень испугалась за судьбу Рустема. Но Исмаиль остался жив. Она видела, как его из больницы везли; тогда Гуляра успокоилась и вздохнула, почти сожалея о том, что тот не умер. Она хорошо помнила, как два года назад ее отец пошел к Джелал-бею просить о возмещении стоимости табачного сарая, а бей спустил с цепи собак. К тому же и сам Исмаиль порядком надоел Гуляре своим ухаживанием.

После ухода Гуляры Тензиле-енге еще раз заставила Сеяру перечитать письмо. С неменьшим вниманием прослушав его, она устремила глаза вдаль, на склоны Айры-гуля, и долго плакала.

— Какие страшные времена, о создатель! — прошептала она.

— Все кругом перепуталось, смешалось. Будет ли конец этой войне?

В середине дня в деревне Бадемлик появились вооруженные немецкие солдаты, они наполнили шумом и гамом все дворы. Двое из них — один, высокий, худой, со следами оспы на лице, и другой, лысый толстяк в очках,— зашли во двор Саледина-ага. Они обыскали все комнаты, кладовую, сарай. В курятнике солдаты взяли яйца и выпили их сырыми. Потом разворошили в поисках оружия стог сена, стрясли с дерева в саду все абрикосы, набили ими рюкзаки. И при выходе из сада очкастый немец заметил притаившегося за летней печкой во дворе мальчика лет тринадцати. Это был соседский мальчуган Сервер. Немец схватил его за руки и приподнял кверху. Затем отступил на несколько шагов и направил на Сервера дуло винтовки.

— Большевик? — спросил он. — Большевик — пуф-пуф!

Мальчик заметил, что указательный палец солдата не на курке, поэтому стоял спокойно, молча и этим только рассердил немца.

— Варварское отродье! Ничего не понимает! — пробурчал он на своем языке и прикладом оттолкнул Сервера в сторону.

Вскоре появился и худосочный немец. Заметив арбу, стоявшую около сарая, он спросил у Сеяре, жестикулируя:

— Лёшадь, лёшадь... Во ист лёшадь, арба? Покажи, во ист лёшадь?

— Лошадь сдали в эскадрон,— ответила женщина, не растерявшись. — Эскадрон... Понимаешь? Эскадрон Сулькевича! Генерал взял.

— Карашо, карашо, зер гут,— похвалил очкастый. Увидев в доме ничем не прикрытую бедность, немцы не стали здесь тратить время попусту и прошли в дом авджи Кадыра.

— Что это они говорили про лошадь? — спросила Тензиле-енге. — Как ты им ответила?

— Нашла что сказать. Думаю, не будут больше спрашивать о лошади,— ответила Сеяре. — Хорошо хоть поверили! Провалиться бы этому эскадрону! Какое, обрушилось на наши

головы несчастье! То, смотришь,— миллий фирка¹, то курултай, то Челеби Джеан², а на самом деле никому нет дела до нас.

Казалось, что немцы были последними посетителями в доме. Но нет... Глубокой ночью кто-то тихо постучал в окно. Чутко спавшая Тензиле-енге подняла голову, прислушалась: может быть, это ей показалось? Однако стук повторился.

«Кто же это может быть? — с испугом подумала она, вскочив. — Открывать или нет? Ведь немцы уехали...» Не зажигая огня, она подошла к окну и осторожно посмотрела в сад.

— Саледин-ага, не бойся, открывай! — произнес кто-то за окном.

— Его нет дома! — ответила старуха. — Что вам нужно?

— Тензиле-енге, откройте, у меня к вам дело,— настаивал пришелец.

Проснувшись и Сеяре. Она встала и откинула крючок. Вошел высокий, в русской форме солдат с винтовкой.

— Не бойтесь. Это я, Сеттар!

— Сеттар-ага, как вы попали сюда? Все думают, что вы теперь не в лесу, а на Украине воюете. Проходите, пожалуйста!

Сеяре хотела зажечь лампу, но гость остановил ее:

— Не надо! Не зажигай! Тензиле-енге, как вы поживаете?

— Слава аллаху, сынок!

Сняв заслонку с очага, Сеяре бросила несколько сухих поленьев на горячие, еще не потухшие угли, подула. Разгоревшиеся дрова осветили комнату слабым светом.

— Не найдется ли у вас чего поесть? — попросил Сеттар. — Я очень проголодался... К себе не заходил — остерегаюсь отца. Он меня все еще не понимает. Поэтому и ввалился среди ночи прямо к вам. Вы уж извините меня!

— Очень хорошо сделал! — ответила Тензиле-енге. — Откуда пришел?

— Был все время в наших лесах. В Фоты-сале поймали и отправили вновь на фронт. Теперь опять сбежал из полка. Генерал нашей дивизии начал готовиться к выступлению

¹ Национальная партия.

² Лидер партии.

против большевиков... Нас убежало двадцать три человека.

— Как вы это сумели? — спросила Сеяре. — Как только вас не поймали?

— Нас... могли поймать один раз. Второй раз... не-эт! Шли мы от села к селу по степям и долам целых две недели. Тут, в лесу, таких, как я, много. Не сегодня завтра сюда придут большевики. Хотим присоединиться к ним. О Рустаме не известно ничего?

— Нет, Сеттар-ага, ничего не известно! Тензиле-енге разогрела суп с фасолью, оставшийся от ужина, и поставила перед Сеттаром, подала хлеб. Пока Сеттар управлялся с супом, она приготовила кофе.

— Спасибо, Тензиле-енге,— утолив голод, сказал Сеттар. — Если у вас есть еще хлеб, дайте, пожалуйста, немного. Там в горах джигиты голодные, надо бы отнести им.

Сеяре вынула из шкафа последнюю буханку, завернула ее в платок и вручила Сеттару.

— Вот, берите, Сеттар-ага, чем богаты... Простившись с женщинами, Сеттар вдоль садов направился в горы.

Вскоре занялась заря.

6

Саледин-ага с Мидатом вернулись из лесу только в конце сентября. Но работа их все еще не была закончена. Предстояло перевезти домой весь уголь, заготовленный за эти три месяца, и распродать его. В деревнях, расположившихся среди лесов, продажа и покупка угля была делом совершенно необычным в мирное время. Но теперь почти все мужчины, способные выезжать в лес на заготовку топлива, были призваны в солдаты или же скрывались в чужих краях, и горемычные женщины раскупали недорогой уголь. К осени Саледин-ага скопил малую толику денег. Но каких! Те, что он выручал в одной деревне, не хотели признавать в другой.

В один из осенних дней немецкие солдаты и офицеры, стоявшие на постое в сараях и в доме Тарахчы Али, неожиданно

погрузились на арбы и ушли из деревни. Появились англичане и французы, затем деникинцы.

Прошло пять месяцев... Однажды утром Саледин-ага вспомнил вдруг о саженцах яблонь, засыпанных им землею неделю тому назад в саду около источника, и даже содрогнулся. Их надо было уже давно сажать! Захватив лопату, он поспешил в сад.

Выкопав ямы, старик насыпал туда навоза, смешал с землею, посадил деревца, утрамбовал землю и, вбив возле слабых яблонек колья, обвязал их шпагатом из кукурузных листьев. Управившись с этой утомившей его работой, он присел отдохнуть под ореховым деревом.

Солнце уже поднялось из-за Куш-кая, и пушистые вершины орешника порозовели. Давно не испытанное отрадное чувство охватило старика в прохладной тени. Он наслаждался отдыхом и весной, любуясь набухавшими почками, слушая журчание воды, струившейся по желобу. Саледин-ага привалился к дереву и, почувствовав под боком что-то твердое, запустил руку в карман, нащупав свою неразлучную глиняную трубку. Неторопливо он взял ее в зубы, полез в другой карман за табаком, но кисета там не оказалось — видно, позабыл дома. В это время он заметил кур, которые разгребали свежеразрыхленную землю под саженцами, выискивая корм. Рассерженный старик поднялся, шикнув на них,— куры всполошенно разбежались.

Саледин-ага направился к дому и только тут, вспомнив про свою трубку, пощупал карманы — ее там не было. Не было трубки и за кушаком.

«Удивительное дело. Как сквозь землю провалилась!» — подумал он и быстро направился к ореховому дереву. Нет, трубки не было и там.

Старик в растерянности остановился и вдруг увидел ряды шагающих по шоссе солдат. Позабыв про свою трубку, он поспешил к дому. Навстречу ему, громко топая по лестнице сапогами, бежал Мидат. Через минуту он почти налетел на отца.

— Смотри, папа, кто это под лестницей лежит!

Действительно, в сенях под лестницей, ведущей в мезонин, лежал человек в хромовых сапогах, в синих с красной полосой галифе. Он крепко спал, сладко посапывая. Из-под серой шинели, положенной под голову, торчала рукоятка сабли.

Саледин-ага, тревожно взглядевшись в лицо спящего, взволнованно воскликнул:

— Рустем! Сынок!

И тут на лицо юноши неожиданно упала глиняная трубка. Саледин-ага рассмеялся;

— Ах, старый олух, искал трубку, а она во рту! Трубка, видимо, больно ударила Рустема, и он в испуге открыл глаза. Юноша вскочил и удивленно уставился на отца.

— Рустем, откуда ты?! Когда приехал? — тормозил сына старик.

Рустем, прижавшись к его рыжей бороде, забормотал:

— Отец, дорогой! Как я рад, что вы живы-здоровы! Если бы вы знали, как я много думал, переживал, тосковал по вас!

Заслышав шум, проснулась и Тензиле-енге. Она прибежала прямо в нижней рубашке. Увидев Рустема, она от неожиданности на мгновение застыла на месте, а затем бросилась к нему, прижала к груди и, еле переводя дыхание, прерывающимся голосом запричитала:

— Дитя мое, Рустем! Наконец-то приехал! Ведь целых два года от тебя не было вестей. Думали уже, что погиб ты, сложил свою голову. Где ты был, сынок?

— Со мной ничего страшного не случилось, мама,— ответил юноша. — Из Севастополя я отправился на Ростов, а оттуда перебрался на Украину.

Мидат обнял брата, затащил в комнату, сел рядом с ним на миндер¹ и начал разглядывать его сияющими от радости глазами.

— Почему ты завалился спать в сенях?

— Не хотел ночью беспокоить вас.

— С кем приехал? — спрашивал отец. — Здесь были немцы, англичане, французы, только неделю назад ушли. Приходили и

¹ Миндер — подстилка наподобие матраца.

эскадронцы и тоже ушли. Ты сам за кого, сынок? Я сейчас перестал понимать что-нибудь в этих делах.

— Сейчас, сейчас я все объясню. — И Рустем стал рассказывать: — Произошла революция. Власть перешла в руки бедных, как вы, людей... рабочих и крестьян. Солдаты прекратили войну... Она велась богачами, и поднялись против богачей. Мы всем полком перешли на сторону большевиков. Вчера очистили Симферополь.

Сейчас наш полк движется вдоль Альмы. Я отпросился на три дня, чтобы навестить вас...

— Только на три дня?

— Да.— И Рустем продолжал: — Наш народ создал на этом полуострове сады, виноградники, на зеленых пастбищах развели отары овец. Но все это принадлежало беям, мурзам-помещикам, дворянам. А бедняков заставляли проливать пот на плантациях, измывались над ними, называли их полудикарями, невеждами, нищими. Сейчас бедные люди повсюду захватили власть в свои руки.

— Вот, оказывается, как! — проговорил встревожено Саледин-ага. — Какая бы власть ни была, тут она только и делала, что грабила наши сады и дома. Как же будут править эти самые, как их... большевики? Не знаю, ничего не соображу.

— Они хотят нам добра... Да,— спохватился Рустем,— я ведь на лошади. Совсем забыл... Надо ее накормить, она там, в сарае.

Мидат, услышав о коне, первым бросился из дому. Саледин-ага, радостно улыбаясь, пошел вслед за сыновьями.

В сарае стоял статный, упитанный вороной конь. Мидат крутился вокруг него, гладил по лбу, ласково трепал по шее. Саледин-ага, раздвинув коню губы, проверил зубы, пощупал живот.

— Коли пустить его на скачки, то он верст на десять обскочет всех лошадей волости! — похвалил старик.

— Его бы надо почистить,— сказал Рустем. — Путь-то какой прошел! — Он вытащил из торбы, лежавшей в углу на поленнице, скребок, щетку и начал чистить бока лошади.

Но Мидат выхватил скребок из рук Рустема.

— Дай я!

— В самом деле, дай ему, Рустем,— сказал отец. — Он душу отдаст за коня.

— Молодец. Мидат,— Рустем улыбнулся. — Почисти и напои его.

— Ладно. А можно поехать к Теселли? — спросил брат.

— Да, но только будь осторожен. — Рустем печально улыбнулся, вспомнив о своих встречах с Гулярой. Как это было давно!..

Рустем и отец неторопливо пошли в сад. Саледин-ага показывал сыну новые саженцы, зеленевшую в парнике рассаду помидоров, огурцов, перца. Потом они подошли к ручью и, умывшись его прохладной водой, вернулись домой.

Пока Рустем с отцом ходили по саду, Тензиле-енге успела замесить тесто и уже жарила чебуреки, складывая их в медный саган.

— Кушай, сынок. Наверное, соскучился? На склонах еще не выросла нанэ — мята. Но ничего, покушай без нее.

Отец и сын с аппетитом принялись за еду. А Мидат тем временем, почистив коня, поскакал к Теселли. На обратном пути юноше захотелось покрасоваться, похвастаться перед сверстниками, и, вместо того чтобы сразу гнать домой, он проехал по деревне, мимо фонтана на площади, подъехал к кофейне и тут неожиданно встретил Гуляру. Увидев Мидата на красавце скакуне, она удивилась:

— Чей это конь?

— Рустема.

— Врешь!

— Если вру, пусть солнце ослепит мои глаза!

— Он вернулся?!

— Да. Сегодня ночью.

— Откуда?

— С войны. Откуда же больше?

— С войны?! — Гуляра побледнела. — Разве Рустем был не в Севастополе?

— Нет.

Девушка была потрясена. «Значит, Рустем был на войне, Тензиле-енге скрыла это от меня...»

— Мидат, душа моя! Передай брату, я хочу его видеть. Но так, чтобы никто не слышал. Скажи, что прошу его: пусть приходит к нам домой! Может быть, он что-нибудь расскажет о моем отце.

— Ладно, передам по секрету! — Мидат подмигнул ей и, натянув поводья, поскакал по улице.

Дома успели уже позавтракать.

Рустем был во дворе, когда Мидат въехал в открытые ворота.

— Напоил? — спросил его Рустем.

— Напоил. А как его кличка?

— Рузгяр. По-русски — Ветерок.

— Ему так понравилась вода Теселли! Он очень много выпил. Как только вошли в сарай, Мидат шепнул брату:

— Гуляра хочет тебя видеть. Сказала, чтобы ты пришел к ним. Но так, чтобы никто об этом не знал.

— Где ты ее встретил?

— Сейчас по дороге.

Рустему не терпелось поподробнее расспросить о девушке, но он сдержался: Мидат уже не маленький, многое понимает.

— Есть у нас овес?

— Да!

— Тогда насыпь его в торбу и дай коню.

Мидат побежал в кладовую. Рустем постоял возле коня, одной рукой обняв его за шею, а другой поглаживая морду. Как только хозяин отошел, Рузгяр громко заржал и стал передними копытами бить землю. И только когда Мидат повесил ему на шею торбу с овсом, он успокоился.

Все утро дом Саледина-ага осаждали соседи, поздравляли его и Тензиле-енге с приездом сына и как бы нечаянно расспрашивали о своих родных, ушедших на войну.

Вскоре прибежал и Мидат. Он сообщил, что в деревне полным-полно солдат с остроконечными краснозвездными шлемами на головах и что они ничего и никого не трогают. Выпалив все это, он опять умчался по направлению к кофейне.

А перед вечером Рустем вышел из дома и задумался. Как быть? Если пойти к Гуляре домой, то не осудят ли девушку? Не возникнут ли всякие сплетни?.. Но ведь она сама же звала. Отец у них на войне. Нет ничего удивительного в том, что они зовут в дом человека, который может рассказать об отце. Семейю Гафара-ага все знают хорошо. О нем никто ничего плохого не скажет. И все же лучше не попадаться людям на глаза, иначе весь день будут таскать из дома в дом, и не побываешь там, где хочется.

С замирающим сердцем шел он к дому Гуляры. Как-то они встретятся, что скажут друг другу?

Большая собака с лаем набросилась на юношу, как только он толкнул калитку дома Гафара-ага. На лай собаки вышла Суваде-апте. Узнав в русском солдате Рустема, она прикрикнула на собаку:

— Карабаш, замолчи! Вай, балам¹, не бойся.

Не обращай на него внимания. Он не кусается. Проходи, Рустем!

Пес замолчал и, виляя хвостом, отступил. Юноша поднялся на веранду.

— Селям алейкум, Суваде-апте. Я пришел навестить вас.

— Алейкум селям, сынок! — обняла Рустема Суваде-апте. Потом, смахнув кончиком платка навернувшиеся на глаза слезы, она пригласила его в дом: — Добро пожаловать, дитя мое! Ты стал уже совсем взрослым джигитом. Машалла! Хвала аллаху! Проходи, проходи в комнату!

Рустем смущенно замешкался — неужели он сейчас увидит ее?

— Дочка, посмотри, кто к нам пришел! — громко сказала Суваде-апте. — Завидую я Тензиле-енге! Ее сын вернулся жив-здоров!

В сенях появилась Гуляра. На бледном лице ее блуждала радостно-растерянная улыбка.

— Добро пожаловать, Рустем-ага,— тихо проговорила девушка.

¹ Ах, дитя мое.

Рустем крепко пожал ее дрожащую руку и, не спуская с лица девушки радостного и вместе с тем грустного взгляда, спросил:

— Как поживаете, Гуляра? Вы очень изменились.

— Ах, дитя мое,— ответила за дочь Суваде-апте. — Как не измениться? Чего только мы не пережили без отца! Легко ли одним женщинам? Садись, Рустем!

Дрожащими от волнения руками Гуляра взяла из буфета поднос и быстро вышла. Проводив ее пристальным взглядом, Рустем огляделся вокруг. Он был впервые в этом доме. Дубовые комоды, гардеробы, широкие застекленные шкафы, блестящий полированный круглый стол посреди комнаты, развешанные по стенам картины с красивыми пейзажами, большое трюмо, дорогие пушистые ковры... Такого убранства не было ни в одном доме во всей деревне. Разве только у Джеляла или Кязим-бея...

Усевшись в мягкое кресло, Рустем продолжал рассматривать комнату. Его внимание привлек висевший на стене портрет. Кто же это такой? Как будто знакомое лицо. Кажется, этот портрет он видел когда-то в школе. Ах, да... издатель «Терджимана».

Потом он перевел взгляд на старуху. Суваде-апте еще года три тому назад выглядела миловидной женщиной, а сейчас сильно сдала: похудела. Постарела. Ее большие лучистые глаза потускнели, румяные щеки поблекли. Да, горе тяжело сказалось на ней! Взяв медный кофейник, она вышла из комнаты.

Гуляра поставила на стол поднос с орехами и яблоками.

— Как вы тут жили? — не отрывая взгляда от ее бледного лица, спросил Рустем.

Девушка отвела от Рустема большие блестящие глаза и тихонько вздохнула:

— Папы нет. Брат долгое время скрывался по деревням, а потом его угнали немцы. Мы сами ничего не смогли посеять. Трудно дома без мужчин. Но я страдала не только от нужды. Я... я боялась за вас. О, как я вас ждала!

Отвернувшись, она вытерла набежавшие на глаза слезы.

Сердце Рустема дрогнуло. Он хотел подойти к девушке, но неожиданно в комнату вошла Суваде-апте. Она несла в

маленьких золоченых чашечках-фильджанах кофе.

— Рустем, тебе ни разу не привелось встретиться с нашим отцом? — спросила старая женщина. — Может быть, ты слышал о нем что-нибудь?

— Нет, Суваде-апте. не хочу вас обманывать. Ни от кого о нем не слышал. Но я уверен, что он жив и здоров.

— Ах, сынок, если бы это было так!

— А почему так не может быть? Я вот побывал чуть ли не в геенне огненной, а, слава аллаху, ничего не случилось. Только один раз штык немца чуть-чуть распорол мне кожу. Гафар-ага — грамотный, ученый. Он мог найти какую-нибудь подходящую работу в штабе. Скорее всего, он даже не участвует в боях.

— Почему же он тогда ничего не пишет?

— Наверное, пишет. Я вот тоже написал семь писем, но ни одного из них дома не получили.

Во дворе раздался женский голос, звавший Суваде. Она вышла на веранду.

Рустем вернулся к молчаливой, задумчивой Гуляре.

— Вы, говорите, грустили обо мне? — спросил он взволнованно. — Это верно, Гуляра?

Девушка, покраснев, молча кивнула.

— Вы так внезапно исчезли из деревни. Урядник разыскивал вас полгода. Я боялась, что попадетесь.

Он распустил слух, будто вы убили Исмаиля. Если бы вы знали, как зверски избили за это вашего отца. Он еле выжил! Что, если урядник увидит вас здесь?..

— Прошли времена Джелал-бея! — воскликнул Рустем. — Вся власть сейчас в руках народа. Как жаль, что я должен завтра уезжать!

— Опять уезжаете? А разве война еще не кончилась! Разве мало я вас ждала? — воскликнула Гуляра.

— Скоро кончится. Вернется Гафар-дайы¹...

— Настанет ли когда-нибудь такой день? Я очень устала. Как будто все горы и скалы Бадемлика обрушились на меня,—

¹ Дядя.

прошептала девушка.

— Я скоро вернусь навсегда, Гуляра! Мы будем счастливы!

Рустем подошел к девушке, обнял и поцеловал ее в зардевшуюся щеку.

— Три года назад на свадьбе Ризы я встретила вас, Рустем,— тихо промолвила Гуляра. — Увидела вас, и все на свете изменилось. С тех пор я не знаю покоя. Вы уезжаете, и я снова остаюсь одна...

— Дорогая моя! Вам дали прекрасное имя...— ласково произнес Рустем, поглаживая ее золотистые волосы. — Гуляра — «Ищи розу». Я искал розу и нашел ее. И очень счастлив. Сейчас апрель. В горах уже расцветают кизилловые кусты. Потом расцветут яблони, зардеют розмарины, кандили. И вот когда они зарумянятся и нальются соком, будет и наша свадьба.

— Я верю вам!..— прошептала девушка. — Верила всегда и ждала вас...

— Подождите еще немного,— также шепотом ответил Рустем.

Суваде-апте вернулась в дом.

— Спасибо, Суваде-апте! — повернулся к ней юноша. — Мне нужно идти.

Он протянул хозяйке руку и улыбнулся на прощанье Гуляре.

Суваде-апте вышла проводить Рустема, а девушка убежала в комнату и припала пылающим лицом к холодному стеклу окна.

На другой день Рустем чуть свет покинул деревню. Когда он проезжал мимо табачных сараев, его заметил Джелал-бей, стоявший на веранде у раскрытого окна, и, махая палкой, закричал на турецком языке:

— Ты думаешь, пришли большевики и хозяином деревни стал голодный люд? Ошибаешься! Посмотрим, сколько дней продержится ваша власть! Посмотрим!

— Да, посмотрим,— ответил Рустем. — Этот люд еще покажет вам, на что он способен. А ты уйдешь из нашей деревни так же, как пришел сюда: в драных штанах и с кельмой в руках. Ты был и будешь пиратом с того берега моря. Ты думал, что татарин

рожден лишь для того, чтобы быть батраком Джеляла? А составить ведомости твоих иргатов¹ ни ты, ни твои родственники никогда не умели. Их писал татарин.

— Молчи, айдут²! — закричал Джелял в бешенстве. — Не то я прикажу своим работникам засечь тебя!

— Только не меня!.. Теперь твой черед! Мы с тобой скоро поквитаемся!

И Рустем, пришпорив коня, вихрем понесся по шоссе.

7

Прошло более трех месяцев. Гуляра не знала, где находится Рустем. Одни говорили, что он вернулся в Севастополь и присоединился к группе скрывающихся в пещерах революционных матросов. Другие рассказывали, что в составе красной конницы сумел проскочить через Джанкой и теперь на Керченском полуострове сражается против Деникина...

Через год утром на шоссейной дороге в нижней части Бадемлика люди заметили пеших солдат в серых оборванных шинелях. Они двигались за обозом и крытым фургоном, груженным ранеными.

«Кто это?— рассуждали жители. — Опять немцы? Нет, это похоже на лазарет с охраной из какой-то неизвестной еще нам армии. Вот еще войска...»

К вечеру на площади у фонтана стали раздаваться ружейные выстрелы. Мидат прибежал домой.

— Отец... отец! — кричал он, еле переводя дыхание. — Там расстреливают наших! Кто они, эти солдаты?

— Белые. Врангелевцы.

— Врангелевцы! О аллах! — воскликнула Тензиле-енге. — Теперь пришли они... Кого они расстреливают?

— Тех, кто помогал большевикам. Экрем-ага убит. Труп его лежит возле фонтана.

— Экрем убит? Сын Зеиде? О несчастная женщина!

¹ Батраки.

² Разбойник.

— Вот они! Сюда идут! — сказал Мидат, показывая рукой в сторону кофейни. — Ищут дядю Сеттара.

— Сеттара? — удивился Саледин-ага. — Как же это? Тогда они не пощадят и нас... за Рустема? А это что? — спросил Саледин-ага, вдруг заметив, что со двора Зеиде два солдата выгоняют корову. — Мидат, сын мой, выведи лошадь в сад и скачи скорей в чаир. Быстро, сынок! Иначе мы лишимся лошади.

Мидат кинулся в сарай, вывел лошадь в сад, сел на нее и во весь дух поскакал через забор в чаир.

Только Мидат исчез, как у ворот показалась жена авджы Кадыра. Рыдая, она бросилась на шею Дульгера.

— Саледин-ага, мы погибли, — воскликнула она, обливаясь слезами. — Мужа моего арестовали. Что мне теперь делать? Я одна осталась. О Сеттаре ничего не слышно.

— Успокойся, Шерифе! — сказала Тензиле-енге. — Встань, не плачь!

Дульгер взял свою кизилую палку, стоявшую в передней, и, шатаясь, медленно пошел к воротам. Шерифе шла за ним.

На следующий день в дом Саледина-ага ввалились ефрейтор и два рядовых.

— Где Саледин Ибрагим оглу? — спросил ефрейтор Тензиле-енге.

Увидя солдат, старуха перепугалась. Раньше, когда во двор заходили люди в шинелях, к ним выходила Сеяре. Но теперь ее не было — дочь вернулась в Кок-Коз. Саледин-ага дома не ночевал. А Мидат бегал где-то в деревне.

— Нет... хозяина нет... йок! — ответила она, путая татарские слова с русскими. — Китди... пошел.

— Куда?

— Гавр пошел. В гости.

— А сын Рустем где?

— Рустем война пошел... — проговорили она, вся дрожа, — Муаребе... стреляйт.

— На какую войну? Где он стреляет? У большевиков или у Врангеля?

— Эбет, конечно, у Врангеля стреляйт, у большевиков!

— Не понимаю. У большевиков он или у Врангеля?

— Врангель... большевик. Карош человек,— бормотала Тензиле-енге, не соображая, о чем говорит. — Каве... кофе хочешь пить, солдат?

— Врангель — большевик, говоришь? — закричал ефрейтор в бешенстве. — Ты что мелешь-то?

В это время весь в поту прибежал Мидат.

— Кто ты такой? — заорал на него один из солдат. — Зачем пришел?

— Я пришел сказать...— начал было Мидат, но, заметив бледное лицо матери, запнулся.

— Что сказать? — спросил ефрейтор строго. — Что тебе надо?

— Что Джелял-бей зарезал десять барашков.

— Кто режет баранов? — ничего не понял ефрейтор. — Ну, ну?

— И варит в четырех больших котлах кашу,— добавил Мидат, — для вас.

— Для кого это — для вас?

— Ну для вас, для солдат. Я сейчас иду оттуда. Ваши все сидят там и пьют вино.

— Ты не врешь?

— Пусть я ослепну, если вру.

— Так где же это?

— В саду у Джелял-бея. Около шоссе. Двое рядовых переглянулись. Это не ускользнуло от взора ефрейтора.

— Так что же ты, дряхлая карга, меня путаешь? — вскричал тот, напускаясь опять на Тензиле-енге. — Врангель — это избавитель ваш... А кто такие большевики? Разбойники. Смотри мне! К вечеру чтобы твой муж был дома. Поняла?

— Чок эйи! Хорошо! — пролепетала Тензиле-енге. — Каве пит?

— Э-э! Каве, кофе...— ефрейтор с досадой махнул рукой. — На что оно мне сдалось, когда в животе пусто?! Где ты, пацан, говоришь, дом бея?

— Возле шоссе... где ваш обоз стоит. Солдаты поспешно вышли на дорогу.

— Мидат, иди, сынок, к Суваде-апте и скажи, пусть она вместе с Гулярой придет сюда! — сказала Тензиле-енге. — Пусть пока поживут у нас. Я боюсь одна дома. Да им, видать, тоже не весело. Отец наш теперь не скоро вернется. А придет — его опять потащат в волость из-за Рустема. Бедная Гуляра... как она его ждет!

Эй, аллах! Когда же эти гяуры отсюда уйдут? — говорила она, закрывая ворота за Мидатом, который уже бежал мимо Соборной мечети. — Нет у меня сил больше...

Но гяуры оставались в Бадемлике до самой осени.

8

В ноябре вновь пришла Красная Армия. Конница и пехота, преследовавшие остатки врангелевских полков, неожиданно были приостановлены за станцией Бель-бек. Красноармейцы залегли в садах по сторонам железной дороги. Наступление захлебнулось. Разведка не сумела вовремя предупредить об опасности. Уже потом выяснилось, что в километре от станции за высоким холмом стояли в засаде крупные силы белогвардейцев.

Быстро перестроив боевые порядки, части Красной Армии стали готовиться к атаке. Тем временем артиллерия обстреляла позиции белых. И как только артподготовка прекратилась, пехота двинулась вперед. Начался ожесточенный бой. Долина реки огласилась несмолкаемыми ружейными залпами и пулеметной трескотней.

Вскоре пошел в атаку и полк красных кавалеристов, скрывавшийся до сих пор в садах Дуванкоя. Рустем скакал впереди правого фланга второго эскадрона. При повороте проселочной дороги на мост Рузгяр споткнулся и грохнулся на землю. Рустем еле успел вытащить ноги из стремян, соскользнул с седла и спрятался за конем. Юноша сделал было попытку отползти в сторону, но пули, просвистевшие около самых ушей, заставили его опять залечь. Конь был тяжело ранен.

А эскадрон тем временем продолжал продвигаться вперед вдоль садов, расположенных у подножия холма. Рустем с карабином переползал от куста к кусту вниз в долину. Он заметил, что из окна низенького кирпичного домика под железной крышей, стоявшего у самого фруктового сада, кто-то ведет огонь по наступающим частям. Доползя до ограды, пробрался в сад через пролом в стене и осторожно обошел дом сзади. Три солдата в шинелях с погонами и в папах, стоя спиной к нему, стреляли из противоположного окна по красноармейцам, переходившим реку под мостом.

Рустем поднялся на остов старого плуга, валявшегося под окном, и выстрелил в солдата, вынимавшего из винтовки обойму. Тот, весь изогнувшись, повалился на пол. Двое других, слышав близкий выстрел с тыла, обернулись к окну.

Рустем быстро соскочил с плуга, подбежал к двери и с размаху ударил по ней ногой. Дверь с треском распахнулась. Испуганные солдаты обернулись и, увидев красноармейца, как коршуны набросились на него. Но Рустем все же успел заметить, что один из этих солдат был пожилой, длинный и худой, а другой — молодой, среднего роста, коренастый. При виде молодого Рустем побледнел и отпрянул назад.

Воспользовавшись замешательством врага, пожилой солдат сделал выпад вперед и ударил его штыком в грудь. Рустем почувствовал острую боль. В глазах потемнело. И тут он услышал крик:

— Рустем! Брат мой! Откуда ты?

Юноша напряг всю свою волю и всмотрелся в растерянное лицо молодого солдата. Да, он не ошибся: перед ним был его родной брат.

— Фикрет? Это ты? — не помня себя закричал Рустем. — Так вот как нам довелось встретиться?! Какой позор для семьи Дульгера-Саледина!

Собравшись с последними силами, он замахнулся карабином и ударил брата прикладом по голове. Глаза Фикрета дико расширились, он хотел что-то крикнуть, но не смог и повалился боком на пол.

Рустем поднял приклад на опешившего старого солдата, но вдруг зашатался и, уже падая, потерял сознание.

Была одна из ночей глубокой осени. Дождь перестал, но по руслу Чатал-Дере еще неслись мутные воды. На шоссе около Бадемлика показались два всадника. У одного из них из-под остроконечного шлема со звездой выглядывал конец белого бинта, у другого была перевязана правая сторона груди, и он сидел на седле как-то сгорбившись.

Усталые лошади шли медленным шагом. Всадники дремали, покачиваясь в седлах. Они свернули с шоссе и направились по извилистой узкой дороге к дому Саледина-ага, в нижнем окне которого еще горел свет. Тот, кто был в шлеме, въехал во двор. Солдат же с перевязанной грудью, поворачивая коня от ворот, тихо проговорил:

— Сеттар-ага, вот мы и в родном Бадемлике. Посмотри на эти высокие горы, как они вольготно дышат! Передай, пожалуйста, моей матери, что я скоро, очень скоро приду,— и направил коня в сторону Джума-Джеми.

У ворот дома Гафара-ага он спешился и негромко постучал в калитку. На веранде показался чей-то силуэт, а через минуту во дворе слышались торопливые шаги.

— Кто там?

— Я, Рустем.

Калитка мгновенно открылась. Гуляра бросилась в объятия воина.

— Наконец-то, Рустем! Наконец-то вы приехали, сердце мое! Жизнь моя! О, как я ждала вас! Вы говорили, что приедете, когда созреют кандили... Помните, родной? Они зрели уже дважды! Пришли и ушли две осени! А вас все не было! А отец? Вы не видели его, Рустем?

— Видел. Дядя Гафар погиб на Перекопе. Он был храбрым советским солдатом, моя дорогая, моя единственная...

— Погиб?! Мой отец погиб? О, судьба! Юноша крепко прижал Гуляру к своей груди и в наступающей тишине услышал, как ветви двух могучих высоких дубов, с незапамятных времен

росших над рекой Чатал-Дере, всколыхнулись над ними под дуновением поздней осени.